

Бронислав
Малиновский

Бронислав
Малиновский

Избранное:
Динамика
культуры

Бронислав Малиновский
Избранное: Динамика культуры
Серия «Книга Света»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12142689

Избранное: Динамика культуры: Центр гуманитарных инициатив;

Москва; 2015

ISBN 978-5-98712-177-1

Аннотация

В том вошли следующие работы одного из основателей функциональной школы в английской антропологии: «Динамика культурных изменений», «Преступление и обычай в обществе дикарей», «Миф в первобытной психологии» и др. Малиновский противостоял эволюционистским и диффузионистским теориям культуры, выступал против рассмотрения отдельных аспектов культуры в отрыве от культурного контекста. Культуру он понимал как целостную, интегрированную, согласованную систему, все элементы которой тесно связаны друг с другом. Сравнительный анализ культур, проведенный Б. Малиновским, позволяет открыть универсальные культурные закономерности.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Динамика культурных изменений. Исследование расовых отношений в Африке	5
Введение[1]	5
Часть первая	24
I. Новые задачи современной антропологии	24
Потребность в прикладной антропологии	24
Природа культурных изменений	40
Африка сегодня – взгляд с высоты птичьего полета	42
II. Теории культурных изменений	49
Ситуация контакта как интегральное целое	49
Диффузия	58
Продукт изменений как смешение составных элементов	60
III. Ценность исторического исследования и пределы его возможностей	75
Поиск нулевой точки процесса изменений	75
Конец ознакомительного фрагмента.	87
Комментарии	

Бронислав Малиновский

Избранное:

Динамика культуры

© С. Я. Левит, И. А. Осиновская, составление серии, 2015

© Л. А. Мостова, составление тома, 2015

© В. Г. Николаев, В. Н. Порус, Д. В. Трубочкин, перевод, 2015

© «Центр гуманитарных инициатив», 2015

* * *

*...не искать никакой науки кроме той, какую
можно найти в себе самом или в громадной книге
света...*

Рене Декарт

Серия основана в 1997 г. В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты Центра гуманитарных научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам, Института всеобщей истории, Института философии Российской академии наук.

Динамика культурных изменений. Исследование расовых отношений в Африке

Введение¹

Мне едва ли необходимо подытоживать здесь достижения Малиновского в области антропологии и его вклад в нее по части знаний, методов исследования и теории. Самый долгий и интенсивный период его полевой работы прошел на Тробрианских островах во время Первой мировой войны; и хотя он написал много подробных монографий о конкретных аспектах тробрианской культуры, типичным проявлением широты его научного подхода были постоянные усилия по все более глубокому теоретическому осмыслению материала, полученного в ходе его исследований отношений родства, а также магии, религии, образования, экономики и законодательства. Более того, в процессе работы он сформулировал основные положения концепции, которая была названа его функциональной теорией культуры, и постоянно шлифовал технику исследования. Его семинары в Лондон-

¹ Перевод Д. В. Трубочкина (введение и часть первая). – *Прим. ред.*

ской школе экономики были уникальны не только потому, что их посещали должностные лица администраций, миссионеры и специалисты в области антропологии и родственных дисциплин, но еще и потому, что у него были свои собственные особые методы обучения. Для изложения своих теорий он придумал и применил серию схем, или таблиц, которые делали возможным сводный анализ всех аспектов культуры. В них содержались формулировки главных принципов деятельности и краткий набор инструкций для полевых исследований; они побуждали исследователя добиваться максимально возможной полноты обзора того сообщества, которое он был послан изучать. Они также предлагали схему подачи и изучения данных, средства, при помощи которых можно было проверять свои собственные и чужие теории, показывали пробелы в информации и предлагали новые пути исследования^[1].

Малиновский как антрополог с подлинно интернациональным мышлением понимал важность антропологии не только для исследования «примитивных»² народов, но и для понимания европейских и восточных обществ; а в позднейшие годы он все больше и больше энергии посвящал работам о войне, национализме, международном сотрудничестве, свободе и демократии^[2].

Он выступал на различных собраниях, посвященных данным вопросам, и был участником групп, которые в то время

² О термине «примитивный» см. прим. 5 на с. 853 наст. тома. – *Прим. ред.*

пытались выработать планы по послевоенной реконструкции, созданию международной федерации и международному контролю и до сих пор предпринимают подобные попытки. К решению данных проблем он подходил не только с компетентностью компаративиста и объективностью ученого, но и с присущим ему гуманизмом, опираясь на убеждения, сформированные европейской традицией.

Как ученый, весьма чуткий к наиболее животрепещущим проблемам в своей собственной области исследования, Малиновский рано обратил внимание на необходимость прикладной антропологии^[3]. Позднее, в 1935 г. в работе «Коралловые сады и их магия» он специально исследовал влияние европейской культуры на тробрианские верования и обычаи и констатировал следующее: «Функциональный метод или, по крайней мере, та его отрасль, с которой связан я сам, в весьма значительной мере зародилась в ходе полевых исследований. Там я начал понимать, что даже реконструкция всех до-европейских типов туземцев, живших, скажем, пятьдесят или сто лет назад, в действительности не является предметом полевой работы. Предмет полевой работы – это изменяющийся меланезиец или африканец. Он уже стал гражданином мира, испытал влияние мировой цивилизации благодаря контактам с ней, а реальность для него состоит в том факте, что он находится под властью более чем одной культуры. Принцип изучения изменяющегося туземца таким, каков он есть, дает нам возможность, с одной сторо-

ны, реконструировать присущую ему до-европейскую культуру не через догадки или произвольное устранение ряда элементов, например, набивных тканей, христианской веры или докучного европейского табу, но через исследование того, как эти элементы работают, как они ведут себя, сталкиваясь с изначальной культурой, а кроме того, каким образом они встроились в нее. С другой стороны, процесс культурной диффузии в том виде, в каком он протекает прямо перед нашими глазами, – это одно из самых важных исторических событий в развитии человечества. Пренебрегать его изучением определенно означает потерпеть крах в одной из самых важных задач антропологии»^[4].

В 1934 г. Малиновский произнес в Кейптауне речь, посвященную системе образования, предусмотренного для туземцев, и культурным контактам^[5], и после этого он предпринял большое путешествие по Восточной и Западной Африке, на протяжении пяти месяцев проводя антропологическое обследование в среде племен бабемба, свази, чага, масаи, кикуйу и мараголи. Он продолжал публиковать статьи по культурным изменениям, выступать с лекциями в Англии, Европе и Соединенных Штатах, обсуждать и разрабатывать методы изучения динамики культуры на своих семинарах как в Лондонской школе экономики, так и в Йельском университете. Наконец, на протяжении многих лет он сотрудничал с Международным институтом африканских языков и культур – организацией, которая многое сделала для содействия

исследованиям проблем колоний и культурных изменений в Африке.

Малиновский рано понял, что для изучения сообществ, подверженных интенсивным изменениям, необходимы новые методы, и разработал исследовательский прием, который для краткости можно назвать «методикой трех колонок». С помощью этой методики он представлял данные в виде таблицы с тремя графами и тем самым ясно выявлял три составляющие культурных контактов и изменений: вторгающуюся культуру с ее установлениями, намерениями и интересами; совокупность сохраняющихся туземных обычаев, верований и жизненных традиций; процессы контактов и изменений, в которых сотрудничают, конфликтуют или идут на компромисс представители двух культур. В основе данной методики лежит теория института как «обособленного элемента» культуры, как мельчайшего культурного единства, как «группы людей, объединившихся для занятий простой или сложной деятельностью; всегда имеющих набор материальных благ и технические средства; организованных – законодательно и по обычаю – на основе определенной совокупности правил, закрепленных в праве или обычае, и имеющей языковое выражение в мифе, легенде, правиле и максиме; и обученных или подготовленных для выполнения своей задачи»^[6]. Отсюда контакт становится по преимуществу столкновением между институтами, в процессе которого они видоизменяются, принимают новые формы или получают но-

вые функции.

Малиновский редко пользовался словом «аккультурация», и в одной из наиболее поздних своих работ он выступал за принятие предложенного доном Фернандо Ортисом термина «транскультурация», потому что в данном понятии подразумевалось «не преобладание одного стандарта на всех фазах культурных изменений, но переход, в котором обе стороны активны, каждая вносит свою долю, вливаясь тем самым в новую реальность цивилизации»^[7]. Обычно употребляемая им формулировка была «культурные контакты и изменения», и выбранное мною определение взято из машинописной рукописи под заглавием «Силы и факторы культурных изменений» («The Forces and Factors of Culture Change»), подготовленной для лекции в Копенгагене в 1938 г. В опубликованных тезисах этой лекции оно выглядит следующим образом: «Культурные изменения суть процесс, посредством которого существующий строй общества – его организация, верования и знания, орудия и товары потребления – трансформируется более или менее быстро. Изменения могут быть вызваны возникшими и выросшими спонтанно факторами и силами или же контактом двух различных культур. Результатом в первом случае является процесс независимой эволюции, во втором – процесс, обычно называемый диффузией»^[8].

Любому, кто знаком с работами Малиновского, как и читателям этой книги, будет очевидно, что «диффузия» для

него имела иные коннотации, чем те, что приписывались этому понятию многими американскими, британскими и немецкими антропологами. Та значимость, которую он придает термину здесь, с необходимостью вытекала из его собственной теории культуры и подразумевала отказ от такого понятия, которое трактует культуру как совокупность характерных черт и их комплексов. Для него единицами трансформации являются институты, которые, в соответствии с новыми потребностями, возникающими в ситуации контакта, принимают на себя новые функции и облекаются в новые формы. Таким образом, диффузия есть процесс «реорганизации на целиком новых и специфических путях», а не «смешение культурных элементов», которые могут быть отделены от их культурной матрицы и истоки которых можно найти в культурах-предках.

Многие годы Малиновский обдумывал написание книги по культурным контактам и изменениям, а поскольку я получила от Йельского университета стипендию на проведение исследований в области расовых отношений в 1942/1943 академическом году, он оказал мне честь, предложив сотрудничество. Его неожиданная смерть сделала невозможным осуществление этого проекта, но г-жа Анна Валетта Малиновская передала мне для редактирования его рукописи по культурным изменениям, и с согласия проф. Мориса Р. Дави, председателя отделения социологии и расовых отношений Йельского университета, я взяла на себя обязательство под-

готовить работы Малиновского к публикации.

К сожалению, Малиновский не оставил планов книги, и мы не обсуждали их, так как решили отложить начало работы до октября 1943 г. Но как бывшая его ученица, я была знакома с его теоретическими воззрениями, я посещала его семинары по культурным изменениям в Лондонской школе экономики в 1936–1938 гг.

Среди переданных мне документов были пятнадцать папок со смешанной подборкой записей, посвященных культурным контактам и изменениям и написанных по большей части между 1936 и 1938 г. В них содержались машинописные тексты статей, опубликованных в журнале «Africa» и в материалах Королевской Академии Италии, вкупе с иными их версиями и дополнительными фрагментами, которые не были опубликованы. Там были тезисы и заметки к лекциям, читанным в Оксфорде, Копенгагене и Риме; машинописные работы размером от двух до двадцати страниц с пометками на полях, посвященные конкретным вопросам, таким, как колдовство, кормление, война и т. д.; резюме семинарских дискуссий, обзоры, предварительные наброски, схемы и карандашные заметки.

Поскольку некоторые материалы к тому времени уже были опубликованы, сами собой представились две возможности организации текста: или свести воедино неопубликованный материал как большой очерк и включить его в монографию, содержащую все опубликованные по культурным из-

менениям статьи, или же использовать сколь возможно многое из имеющегося материала и отредактировать его, представив в виде единой книги. Так как имелось много нового, включая подробное изложение методов, необходимых для использования в полевой работе, я избрала вторую альтернативу. Цель и контуры книги основывались на нескольких статьях Малиновского и той трактовке предмета, какую он давал на семинарских занятиях, проводившихся в 1941 г. в Йельском университете.

Первая часть книги включает значительную часть материала из его «Вводного очерка» к меморандуму «Методы изучения культурного контакта в Африке» (1938)^[9], где зафиксированы некоторые результаты исследовательской программы, проводившейся Международным институтом африканских языков и культур начиная с 1931 г.; вторая часть представляет собой приложение его теории культурных контактов и изменений к исследованию конкретных институтов.

Для некоторых глав в моем распоряжении были вполне завершённые рукописи, требовавшие только минимальных исправлений и вставки дополнительных примечаний и разделов. Это относилось, в частности, ко второй части главы I, к главе II, первой части главы III, а также к главам IV, VII, VIII, X и XIII. В остальных главах, исключая XI и XII, я имела дело, главным образом, с машинописным текстом. Необходимо было многое в них перегруппировать, и можно сказать, что они представляют собой мозаику из всех доступ-

ных материалов, имеющих касательство к теме. Главы XI и XII, одни из наиболее важных в книге с точки зрения колониального управления, были и наиболее трудными, поскольку в первом случае заметки были сделаны карандашом, тогда как во втором было всего лишь восемь страниц, и некоторые из них повторялись. Однако, к счастью, имелись подробные схемы, содержащие обзор фактов, и я включила их в текст в несколько расширенном виде. К своим собственным добавлениям я сделала соответствующие пометки в подстрочных примечаниях. Не считая незначительных изменений, не затрагивающих существа его идей, обобщений, критики и теорий, практически все формулировки в книге принадлежат Малиновскому.

Читатель этой книги увидит, что для иллюстрации своих теорий и методов Малиновский привлек главным образом материал, полученный на юге Африки и в колониальных странах Восточной Африки, которые подчиняются руководству колониального управления Соединенного Королевства. Будь он жив, он, без сомнений, включил бы в сферу изложения более обширную территорию, а также убедительно показал бы уместность использования многих обобщений, сделанных им на основе исследований африканской культуры, для изучения и других частей света, где сообщества охвачены процессом изменений. Он и сам во введении к книге д-ра Лауры Томпсон, написанном им в 1940 г., заявил, что сопоставление некоторых монографий по культурным измене-

ниям в различных областях открыло бы поразительное сходство процессов и результатов исследования^[10].

Есть еще один момент, который следует здесь подчеркнуть. Начиная с 1929 г. Малиновский работал и боролся ради признания «практической антропологии», и следует воздать ему должное, как и тем антропологам, кого он учил и на кого повлиял, за то, что в административных и миссионерских кругах все возрастает тенденция прибегать к совету антрополога и требовать от чиновников определенной степени подготовки в области антропологии. Даже перед войной курсанты из административных служб Папуа и территории Новой Гвинеи слушали курс по антропологии в университете в Сиднее, и в обеих этих колониях правительственный антрополог многие годы был штатной единицей персонала администрации. Недавно были назначены два антрополога для участия в восстановлении исконной культуры в областях, уже освобожденных от японской оккупации, и сейчас они уделяют особое внимание, в частности, проблемам образования и труда. Новая индейская политика, развернутая в Соединенных Штатах уполномоченным представителем Управления по делам индейцев Джоном Коллайером, весьма во многом ориентируется на результаты исследований в рамках антропологической науки. В Англии в 1940 г. было принято «Постановление о благосостоянии и развитии колоний», согласно которому на протяжении десяти лет на благосостояние и развитие зависимых от Соединенного Ко-

ролевства стран отводилось 5 миллионов фунтов стерлингов в год; кроме того, на исследования ежегодно дополнительно ассигнуется 500 тысяч фунтов стерлингов. Комитету по колониальным исследованиям под председательством лорда Хейли поручены организация научной работы, рассмотрение предложений и ввод в действие новых исследовательских программ. В «Отчете о ходе работ» за 1942–1943 гг. была открыто признана важность практической антропологии: «Знание социальных и экономических условий и культурных характеристик колониальных народов, – говорится в документе, – необходимо при составлении всех планов развития: в области медицины, сельского хозяйства, ветеринарии или образования, а также для планирования общей экономической политики территории. Подобных сведений на колониальных территориях в большинстве случаев имеется недостаточно. Причины обнаружить не трудно. Результаты научных исследований только сейчас начинают использоваться для проведения внутренней политики в данной стране. В колониях обнаружались особые трудности при осуществлении таких исследований. В то время как все отделения естественным образом затрагивали социальные вопросы, не было ни одного специалиста, непосредственно отвечающего именно за проведение детальных исследований в этих областях, а к колониальным институтам высшего образования еще не прикреплены отделения социальных исследований. Недавнее предоставление согласно Постановлению 1940 г. фондов

для учреждения Западно-Африканского института как отделения Ахимотского колледжа будет первым экспериментом по учреждению регионального центра социальных и лингвистических исследований... У Комитета возникли собственные трудности при работе над этой проблемой... Поэтому было сочтено желательным обратиться за советом к некоторым группам экспертов в отдельных областях. Они охватывают следующие направления: лингвистику, демографию, антропологию, социальные исследования, экономику, системы колониальных законов, колониальное управление, образование и психологию. Организация исследований по социальным наукам в дальнейшем будет рассматриваться Комитетом на основе докладов этих групп»^[11].

Развертывание данных исследовательских проектов очевидно согласуется с тем подходом к проблемам туземцев, который отстаивает Малиновский в предлагаемой читателям книге, и он был бы первым, кто признал бы и приветствовал эту новую ориентацию в управленческой политике. Для тех, кто участвует в таких проектах, едва ли есть необходимость в каком-либо оправдании прикладной антропологии. Тем не менее я включила аргументы Малиновского в текст настоящей книги, потому что до сих пор есть антропологи, которые бы оспорили тот тезис, что практическая антропология может быть научной; а с другой стороны, среди неспециалистов до сих пор лишь немногие понимают, чему может способствовать антропология; к тому же ряд специалистов отказы-

ваются иметь дело с теми проблемами, к которым привлекли внимание антропологи. М. Дж. Херсковиц, сам предпринявший исследование аккультурации, поставил бы под вопрос научную строгость исследования, проведенного европейцем в тех ситуациях, когда европейцы находились в контакте с туземцами. А поскольку данное воззрение являет собой позицию, противоречащую основоположениям данной книги, я процитирую его подробно: «Когда антропологи посвящают себя изучению контактов между их собственной культурой и туземными цивилизациями, разве сами они не подвергаются опасности утратить широту взгляда из-за той точки зрения, которую они изначально приняли? Некритическая тенденция рассматривать туземные культуры как повсюду вытесненные с арены существования благодаря сокрушительному натиску европейской техники; ощущение, что любой такой “простой народец” неизбежно должен соглашаться с решениями, принимаемыми его более умелыми правителями, подобно тому, как туземцы признают некоторые чуждые им жизненные привычки тех, под чьим надзором они живут, – все это свойственно определенному типу этноцентризма, которому не место в научных исследованиях антрополога. Именно по этой причине для того, чтобы исследования по культурным контактам были наиболее полезны в научном отношении, необходимо в первую очередь находить и изучать такие ситуации взаимодействия, в которых нации Европы или Америки никоим образом не участвовали прежде

и не задействованы сегодня. Только при таком подходе исследователь, будучи уроженцем какой-либо из упомянутых стран, никогда не сможет отождествить себя самого с тем процессом, который сам изучает, и это несомненно приведет к повышению уровня научной объективности. В противном случае при изучении сообщающихся культур антропология незамедлительно натолкнется на те же препятствия, которые тщетно пытаются преодолеть другие социальные науки, когда отказываются выглянуть за горизонт нашей культуры». И еще: «Из анализа работы в области культурных контактов очевидно вытекает первое требование к исследованию: необходимо, чтобы оно проводилось в той среде, где ученый менее всего может отождествить себя с поставленными задачами. С точки зрения исследования по аккультурации это значит, что первоочередной необходимостью для исследования будет проведение его в среде такого народа, в чьи контакты не входит европейская или американская группы. Существует известное число подходящих поселений, где культуры невозможно изучать только в условиях контактов, но необходимо исследовать их родственные формы, предшествующие контакту»^[12].

С первой частью утверждений Херсковица, с его критикой этноцентристской антропологии я полностью согласна. Несомненно, по антропологии были написаны и такие книги, в которых авторы позволяли себе вволю проповедовать в пользу туземцев и выказывали страх, что туземные наро-

ды вынуждены пасть жертвой в борьбе против сил европейской цивилизации. Но такие книги сейчас выражают мнение меньшинства ученых, и они едва ли могут служить оправданием высказываемого Херсковицом пессимизма (если не полной разочарованности) в вопросе о том, может ли антрополог выработать беспристрастную точку зрения и придерживаться ее. В последние годы и британские, и американские антропологи опубликовали работы, которые доказывают, что уровень объективности, достигнутый в деле научной подготовки специалистов и в полевых исследованиях, может быть сохранен и в тех ситуациях, где от ученого требуется анализ собственных культурных институтов. Многие из этих работ содержат беспристрастное исследование европейской политики и реалистичную оценку проблем и трудностей, присущих процессу социального изменения. Обсуждение и оценку некоторых подобных трудов, как и изложение методов и принципов прикладной антропологии, читатель найдет в главах настоящей книги^[13].

Предложение Херсковица проводить исследования только в тех случаях, когда европейская или американская культура не включена в ситуацию, лишено реализма, потому что сообществ, не испытавших в той или иной форме влияние западной цивилизации, осталось мало. Последуй мы его совету в данном вопросе, изучение процессов изменения, происходящих в настоящее время в большей части мира, очевидно пришлось бы оставить будущим поколениям антропо-

логов в качестве проблемы исторической реконструкции!

Малиновский предельно отчетливо осознавал те трудности, что связаны с изучением культурных контактов в Африке и с сохранением ориентации на научную беспристрастность. Но именно потому, что культурные изменения настолько всеобъемлющи и протекают столь быстро, а также потому, что они выявляют главные характеристики большинства африканских сообществ, проблема эта стала вызовом ему как ученому, и он ответил на него как ученый: во-первых, делая упор на необходимости объективного исследования существующих условий, а во-вторых, разрабатывая новые методы анализа сложнейших проблем культурных изменений во всех их аспектах. Его теорию культуры, его исследование действующих сил, вступающих в игру, когда две культуры сталкиваются в борьбе друг против друга, читатель найдет в этой книге. Подход Малиновского существенно динамичен благодаря тому, что он рассматривает ситуацию контакта в таких терминах, как «нажим» и «деформация», «конфликт» и «сотрудничество», «компромисс» и «пассивное сопротивление», или, иначе говоря, с точки зрения устойчивости старых институтов, преобразования их в иные и процесса постепенной эволюции новых институтов, в котором участвуют обе культуры. Для обработки такого рода данных он разработал обзорные таблицы (о них упоминалось выше). При том, что этот тип исследования и эту технику в дальнейшем можно совершенствовать, подкрепляя исполь-

зованием психологических тестов, изучением психологических механизмов отбора и интеграции в культурных изменениях^[14] и анализом того, почему некоторые культуры выказывают большую сопротивляемость контактам, чем другие^[15], нам очевидно, что метод Малиновского может быть полезен при анализе современных изменений не только в Африке, но и в других регионах мира, как и в иных исследованиях – например, при изучении контактов между туземными племенами или между нациями европейцев, проблем, связанных с ассимиляцией групп иммигрантов, либо процесса постепенной урбанизации сельских районов.

Я бы хотела выразить сердечную благодарность Йельскому университету не только за стипендию, выделенную на исследование в области расовых отношений и давшую мне возможность отредактировать рукописи Малиновского по культурным изменениям, но и за те благоприятные условия и помощь, которые столь великодушно были предоставлены мне во время моего пребывания в Нью-Хейвене. При осуществлении данной работы были проведены консультации с проф. Морисом Р. Дави, председателем отделения социологии и расовых отношений в Йельском университете, и сейчас я предельно отчетливо вижу, сколь много времени, доброты и терпения потребовали от него мои запросы. Я весьма многим ему обязана за совет и полезную критику, высказанную в адрес данной книги.

Я также очень признательна д-ру Одри Ричардс, д-ру Люси Мэйр, д-ру Маргарет Рид и д-ру Раймонду Ферту, которые просмотрели предварительный план книги и выступили с комментариями и критикой. Несмотря на то что я не могла согласиться со всеми их предложениями, многие из них оказались крайне ценными в моем последующем пересмотре книги.

Наконец, я бы хотела выразить глубокую признательность г-же А. В. Малиновской за переданные мне привилегию и ответственность по редактированию рукописей ее мужа, а также за советы и поощрение, которые я все время от нее получала. За данную задачу я взялась с радостью, потому что, как бывшая ученица Малиновского, я понимаю, насколько велик его вклад в мои собственные познания, в мою подготовку к теоретической и полевой работе. Я сознаю, что нахожусь в неоплатном долгу перед этим человеком, великим антропологом и великодушным другом, и этот долг никогда не может быть возвращен; но я надеюсь, что редактированием его рукописей я дала возможность другим антропологам и будущим ученым измерить масштаб его вклада в один из наиболее важных разделов антропологии – исследование культурных контактов и изменений.

Филлис М. Кэббери

Лондон, 1944

Часть первая

I. Новые задачи современной антропологии

Потребность в прикладной антропологии

Культурные изменения есть процесс, посредством которого существующий строй общества, то есть его социальная, духовная и материальная организация, трансформируется из одного типа в другой. Культурные изменения, таким образом, охватывают более или менее быстрые процессы преобразования в политическом устройстве общества; во внутренних его установлениях и методах освоения им территорий; в его верованиях и сводах знания; в его системе образования и законодательстве; в его материальных орудиях и их применении, а также в том способе потребления, на котором основывается его социальная экономика. Культурные изменения в самом широком смысле этого термина – постоянно действующий фактор человеческой цивилизации; они происходят везде и во все времена. Они могут начаться под влиянием факторов и сил, внезапно появившихся внутри некоего сообщества, а могут происходить благодаря взаимодействию

различных культур. В первом случае они принимают форму *независимой эволюции*; во втором они являют собой тот процесс, который в антропологии обычно именуется *диффузией*.

Однако именно в наши дни культурные изменения в обеих их разновидностях приобрело небывалые в человеческой истории быстроту и размах. Технические изобретения, развитие промышленных предприятий, финансовой и торговой организации ускорили эволюцию в западном мире, обеспечив ему далеко простирающееся господство над материальной средой. Однако технический прогресс не сопровождался соответствующим ему по размаху контролем со стороны социальных условий и духовной культуры. Западный мир разъединен, причинами этого послужили минувшая война и опасность новых войн, резкие противоречия в понимании принципов политики и невозможность большинства стран справиться с некоторыми из самых насущных экономических проблем. Неразрешимые пока проблемы мировой экономики и политики, международного законодательства и националистической реакции – все это фаза культурных изменений. Но не дело антрополога решать эти вопросы с позиций непредвзятости исследования и научности прогнозов – их, быть может, и оценят будущие поколения. Но в данный момент, вероятно, ему позволено будет указать на то, что некоторые выводы, имеющие силу и ценность в применении к первобытным народам, можно было бы столь же успеш-

но применить и к нашим собственным обществам. Для антрополога в равной мере было бы полезно осмыслить и тот факт, что эволюция и диффузия – процессы не столь уж различные, какими кажутся на первый взгляд. Процессы культурных изменений в Африке не столь уж существенно отличаются от тех процессов, благодаря которым аграрные и остальные страны Европы сегодня из крестьянских сообществ, жизнь которых определялась замкнутыми экономическими системами вековой давности и была организована на народных и родственных началах, преобразуются в новый тип общества, практически аналогичный тому, что свойствен промышленному пролетариату в Соединенных Штатах Америки, Англии или Франции.

Но по многим причинам проще и выгодней анализировать процессы диффузии в той области, которая по своей бóльшей дистанцированности от культуры исследователя допускает и бóльшую непредвзятость в его работе, в той области, где вопросы одновременно и проще, и более непосредственно зависят от факторов изменения. Лучше всего к тому же выбрать для нашего исследования область одновременно и обширную, и достаточно определенную, притом такую, которая на протяжении последних нескольких лет уже успешно исследовалась с точки зрения культурных изменений. Касательно же Африки мы располагаем рядом относительно новых трудов, посвященных происходящему там широкомасштабному движению, заключающемуся в переходе

сообществ туземцев от господства племенных отношений к частичной вестернизации^[16].

Антрополог все с большей отчетливостью сознает, что изучение культурных изменений должно стать одной из главных задач и в полевой работе, и в теории. Вымысел о «неиспорченном» туземце должен быть отброшен, от него нужно отказаться как в полевых, так и в кабинетных исследованиях. Убедительной тому причиной служит тот факт, что «неиспорченного» туземца нигде не существует. Человек науки должен изучать то, что есть, а не то, что могло бы быть. Даже когда его главный интерес заключается в реконструкции исторического прошлого племени, он все равно должен изучать туземца таким, каков он есть сейчас, – то есть туземца, подверженного влиянию Запада. Только на основе того, что осталось от древней культуры, только путем привлечения воспоминаний старых информантов и поиска старых записей он может сделать вывод о предшествующих обстоятельствах жизни племени и продвинуться вперед в реконструкции прошлого.

Однако современный ученый понимает также, что для того, чтобы постичь суть диффузии, необходимо изучать ее опытным путем, основываясь на информации из первых рук. Таким образом полевая работа по исследованию широкомасштабного процесса диффузии, идущего в современной Африке, по праву становится самостоятельной научной задачей. Описывать и анализировать одну из важнейших фаз в

истории человечества – вестернизацию современного мира – долг как этнолога, как и хрониста. Наблюдения над культурными изменениями, поскольку они происходят на наших глазах, открывают нам к тому же общие законы диффузии; подобные наблюдения дают нам материал, позволяющий понять некоторые аспекты культуры человечества в целом, например, причины устойчивости верований и традиционных жизненных образцов или того, что одни аспекты культуры подвергаются диффузии быстрее, чем другие, – короче говоря, помогают нам постичь динамический характер процесса культурных изменений.

Как гуманист, ученый должен понимать, что в этот процесс вовлечены человеческие интересы и страсти, которые до сих пор в значительной мере, если не полностью, находятся под контролем действующих сил активной западной цивилизации. Об этом контроле не всегда удавалось получить научную информацию, опирающуюся на знание всех спорных фактов. Даже сейчас мы должны задаваться вопросами: какова природа изменений в туземных сообществах? Приведут ли эти изменения к совместному существованию, построенному на гармоничном сотрудничестве? Или же они активизируют временно подавляемые, но могущественные силы, которые послужат причиной грядущего раскола, смещения и исторической катастрофы невиданного масштаба?

Каждому призванию свойственно некое моральное обязательство, даже призванию научного специалиста. Долг ан-

трополога – быть честным и правдивым истолкователем туземной жизни. Долг этот означает не просто быть благодарным за услуги, получаемые в форме информации, доброжелательное отношение и великодушие – хотя и эти качества тоже налагают на исследователя первобытных человеческих обществ особые обязательства. Это – прямое свидетельство тому, что полевой исследователь понимает или что ему следует понимать условия, при которых живут туземные расы. Он должен уметь объяснить торговцам, миссионерам и нанимателям рабочей силы, в чем в действительности нуждаются туземцы, где они более всего страдают из-за силы европейского вмешательства. Нет сомнений, что в ходе установления связей с европейцами, в процессе вторжения западной цивилизации судьба туземного населения была трагичной. Мы много говорим о «распространении западной цивилизации», о «передаче в дар туземцам достижений нашей собственной культуры», о «двойном наказе», о «бремени белого человека». Но в действительности историку будущих времен придется зафиксировать и тот факт, что европейцы иногда полностью истребляли островное население, что они присваивали себе большую часть родового наследия первобытных народов, что они приносили с собой рабство в особо жестокой и губительной форме. Пусть даже европейцы впоследствии сами отменили рабство, однако экспатриация негров также свидетельствует об отношении к ним как к изгоям и отверженным.

Туземцу до сих пор нужна помощь. Антрополог, не способный этого постигнуть, не способный отметить трагические ошибки, совершаемые порой с самыми лучшими намерениями, а порой под давлением крайней необходимости, остается антикваром, покрытым академической пылью и существующим в раю для дураков. Может ли исследование принести какую-нибудь практическую пользу? В некоторых африканских колониях зачастую прибегали к такой практике: всякий раз, когда был нанесен непоправимый вред или события зашли в тупик, созывали «комиссию научного расследования», предназначенную в действительности для того, чтобы помочь правительству «сохранить лицо» и заглушить угрызения совести. Но ведь исследование, чтобы приносить пользу, должно вдохновляться мужеством и стремиться к достижению поставленной цели. Для него должны служить руководством конструктивное государственное управление и мудрое предвидение, которые способны определить относящиеся к делу вопросы и имеют мужество осуществлять необходимые меры.

Станем ли мы тем самым смешивать политику с наукой? С одной стороны, решительно «да»; потому что если знание дает предвидение, а предвидение означает власть, то настаивать на том, что научные результаты никогда не принесут пользы или же что ими не воспользуются те, кто обладает влиянием, – значит выставлять их на вселенское посмешище. Важность культурных контактов и изменений в качестве

предмета исследования признана в большинстве тех стран, где вопросы колонизации имеют практическое значение и антропология переживает расцвет. Исторически пальма первенства, вероятно, принадлежит Голландии. Здесь достаточно назвать таких первопроходцев, как К. Снаук Хюргронне, который смог как проповедью, так и практической деятельностью показать ценность антропологии для выработки справедливого и разумного отношения к туземцам, и К. ван Волленховен, чей интерес к обычному праву принес как открытия в теории, так и полезные достижения на практике. Стоит упомянуть и этнографические исследования миссионеров и представителей колониальной администрации, так же как и более недавние достижения таких опытных административных служащих, как ван Эрде и Схрике.

До войны этнографические исследования поддерживало колониальное управление Германии, хотя у него и не было времени, чтобы усовершенствовать административное управление в сколько-нибудь значимом масштабе и привести его в соответствие с результатами научного познания. Но в Германии такие ведущие исследователи первобытных культур и языков, как Вестерман и Турнвальд, уже в самом начале своей научной деятельности пришли к выводу о важности – и теоретической, и практической – исследований в области культурных изменений.

Во Франции работы Делафосса, Лабуре и Монье показывают, что культурные изменения и проблемы культурных

контактов неизменно принимаются во внимание как учеными, так и практиками.

Наконец, в Великобритании и Соединенных Штатах интерес к культурным изменениям в последнее время стал доминировать. Имена У. Х. Р. Риверса и капитана Дж. Х. Л. Ф. Питт-Риверса стоят во главе списка первых британских исследователей. Работа отделений антропологии в Сиднее и Кейптауне по инициативе А. А. Радклифф-Брауна; преподавание дисциплины и исследования в Кембридже, Лондоне и Оксфорде; проявление особого интереса к проблематике культурного изменения и прикладной антропологии со стороны Королевского антропологического института, – все это началось почти одновременно по инициативе американцев и связано в первую очередь с именами Уисслера, Роберта Редфилда, Элси Клуз Парсонс, М. Дж. Херсковица, Радина, а также П. Х. Бака (Те Ранги Хироа) и Феликса Кисинга, работающих в Гонолулу. Международный институт африканских языков и культур после его основания в 1926 г. предпринял попытку вынести эти исследования за рамки национальных границ, и, избегая политических разногласий, организовал исследования по проблемам контактов во всех африканских колониях, привлекая науку к взаимодействию с миссионерской практикой, а также содействуя сотрудничеству ученых с административными службами всех заинтересованных стран^[17].

Однако к сожалению, в некоторых кругах до сих пор дер-

жится устойчивое, хотя и ошибочное мнение, что между антропологией практической и антропологией теоретической, или академической, существует фундаментальное различие. Правда заключается в том, что наука начинается с ее практического применения. Физик, химик или биолог знает это на зубок. Что такое применение науки и когда «теория» становится практической? Только тогда, когда она позволяет нам отчетливо зафиксировать эмпирическую реальность; другими словами, коль скоро теория истинна, она «применима» в том смысле, что может быть подтверждена опытом. Компромисс между естественным порядком событий, с одной стороны, и вмешательством в него, властью над ним человека, с другой – это единственное прочное основание для экспериментальной науки. Достаточно вспомнить, как революционные научные открытия Гальвани и Вольты, которые первоначально носили исключительно теоретический характер, впоследствии благодаря разработкам Ампера и Фарадея, Кельвина и Маркони привели к радикальному изменению нашего контроля над электричеством и эфиром. Огромные достижения современной инженерии являются закономерным результатом независимых и непредвзятых исследований природы силы, пространства и времени, получивших признание благодаря поляку Копернику, итальянцам Галилею и Торричелли, французу Декарту, англичанину Ньютону, голландцу Гюйгенсу и немцу Лейбницу. Точно так же, как нельзя найти ни единого аспекта физической теории, ко-

торый не имел бы отношения к обычной инженерии, так и в случае социальной инженерии можно утверждать, что она попросту является эмпирическим аспектом социальной теории.

Таким образом, научная антропология должна быть практической. Отсюда тотчас следует заключение: ученый-антрополог должен быть антропологом, изучающим изменяющегося туземца. Почему? Потому что первобытная культура, существующая сегодня, не изолирована, но находится во взаимодействии и в процессе изменения. До тех пор, пока вообще предпринимаются попытки ее реконструкции, они должны опираться на то, что может быть изучено в настоящем. Побочным продуктом наблюдения станет теоретическая и конструктивная дискуссия о ходе или направленности изменений. Самая суть истории заключается в том, что у нее наряду с прошлым есть и будущее. В то время как антропология очень часто служила бегству от действительности в экзотику, история зачастую оставалась щитом для тех, кто предпочитал действующей, живой традиции умершее и погребенное прошлое. Антикварная и романтическая тенденция сравнительно с тенденцией ретроспективной и реконструирующей часто бывает не чем иным, как стремлением уйти от реальных проблем. В естественной науке исследователь ищет фундаментальные силы – механические, химические, электромагнитные – в значительной степени для того, чтобы в будущем поставить их на службу человеку. В социо-

логии по крайней мере столь же важны критерии уместности, силы и жизнеспособности. В какой-то момент мы осознаем это, и тогда мы видим, что антрополог, стоящий перед исследованием культурных изменений, в конечном итоге не может избежать крупных практических проблем, относящихся к области государственного строительства в колониях^[18].

Область культурных изменений такова, что заключенные в ней теоретические проблемы невозможно отделить от практических. Практик заинтересован в изучении культурных изменений: администратор – с точки зрения политического и законодательного регулирования, миссионер – в аспекте изменения религии и морали, поселенец и предприниматель – в отношении возможностей трудовой деятельности, туземного производства и потребления. Побуждения и интересы европейцев, занятых в государственном управлении, в трудовой деятельности или в сфере бескорыстного обучения и проповедования Евангелия, конечно, непосредственно не связаны с наукой, но они очевидно внутренне присущи ситуации, сложившейся сегодня в Африке и в других регионах. Но дело не только в этом; можно показать, что большая часть интересов и побуждений тех агентств, что заняты в Африке практической деятельностью, могут быть сформулированы в виде проблем, далеко не во всем отличных от тех, какими занят социолог. Золотоискателю, желающему быстро «сорвать куш» и затем сбежать с ним, не обязательно беспокоиться

о том, к какому сильному озлоблению туземного населения, недоверию к европейцам, расовой ненависти или даже серьезному экономическому разорению приведет его деятельность. Поселенцу же, который думает о будущих временах и о грядущих поколениях, необходимо постоянно помнить о тех проблемах, что могут появиться в расовых отношениях в будущем, ему придется избегать нанесения серьезных оскорблений или даже обид черным соседям его собственных, белых, детей. Вопросы о состоянии здоровья туземцев или даже о выживании африканских племен, об упорядоченной общинной жизни, которая постепенно вырастает на фоне хаоса, порожденного распадом племенного уклада; проблемы того, как могут определенные изменения в туземных законах привести к серьезным нарушениям в правовом регулировании, в какой степени, в соответствии с лучшими намерениями европейцев, необходимо снизить значимость половой морали в туземной жизни, – все это в равной степени интересует и социолога, и практика.

Касательно изучения культурных изменений, у нас есть и другие причины, по которым становится ясно, почему практическая область особенно благодатна для исследования и почему полноценное сотрудничество европейских представительств в Африке необходимо для серьезного изучения всех проблем. В качестве важнейшей причины можно назвать тот факт, что в колониальной политике мы, возможно, наиболее близко подходим к тому эксперименту (ино-

гда почти полностью контролируемому), какой только и может быть проведен в социальных науках. Например, в административном управлении принцип косвенного управления – один из тех, где определенные практические результаты предвосхищены благодаря твердым научным основаниям. Но изучать сугубо академично то, что происходит при различных экспериментах по косвенному управлению, при этом не зная практических трудностей, без терпеливой и уравновешенной работы – значило бы закрывать глаза на реальную динамичную сторону всего вопроса в целом.

Так, туземная администрация должна четко и ясно разработать определенную систему законодательства, которая всегда будет комбинацией туземной традиции с европейскими принципами правосудия, а затем ввести эту систему в действие. Финансисты должны таким же образом организовать налогообложение и предусмотреть в бюджете расходы на гигиену и образование. Во всем этом мы имеем, с одной стороны, планирование, а с другой – процесс, посредством которого достоинства и недостатки, трудности и успехи планирования проверяются на деле. Если антропологу не будет дозволено получать исчерпывающую информацию о внутренних совещаниях по административной политике, то он упустит ценную возможность наблюдать, как «работают» социальные эксперименты.

Опять-таки, в Африке образование планируется, финансируется и управляется европейцами, которые, как правило,

преследуют совершенно определенные практические цели. В то же время средний европеец, занятый организацией и проведением обучения в Африке, не является ни этнографом, ни даже социологом. Он чаще всего не осведомлен в вопросах того обширного культурного, социального и политического подтекста, с которым связан процесс обучения. Кроме всего прочего, он обычно и не изучает африканские туземные системы обучения. Результатом является то, что мы часто выпускаем в свет образованных африканцев, которым нет места ни в мире племенного уклада, ни в европейском сообществе. Исследовать этот вопрос в самом широком контексте и со всеми вытекающими из него следствиями – именно в этом заключается обязанность антрополога, изучающего проблемы контакта. Отделять здесь практические выводы от теоретических построений было бы столь же трудно, сколь и невыгодно.

Я надеюсь, что в ходе предшествующего рассуждения становилось все более и более очевидно полное соответствие интересов практики, с одной стороны, и интересов функциональной антропологии – с другой. Обе они сосредоточены на одном и том же предмете: на демографии и законодательстве; на племенной власти и владении землей; на понимании семейной жизни, половой морали и групп родства как факторов, определяющих особенности как внутренней жизни, так и внешнего взаимодействия. Все это столь же важно для управляющего, сколь это интересно для функциональ-

ного антрополога. Педагог-теоретик обнаружит, что весь ход функционального анализа имеет непосредственное отношение к решению вопроса о том, как культура передается от поколения поколению. Миссионер найдет, что изучение религии как принципа интеграции прямо опирается на его усилия по проповеди Евангелия и постепенного преобразования всего здорового, конструктивного и настоящего, что есть в язычестве, в более высокоразвитые формы западной религии. Таким образом, это – не просто одна из исследовательских задач, но проблема, основанная на таком интересе, который пребывает неизменно. Функционалисту в первую очередь интересно то, как работают общественные институты, каковы их достижения и как соотносятся друг с другом разнообразные факторы, их определяющие. Это попутно ставит вопрос о том, каким образом может происходить преобразование этих институтов. Весь функциональный подход основан на принципе податливости человеческой натуры по отношению к изменениям и на принципе возможности культурного развития. Он также включает в себя предостережение: устойчивость обычая и трудность преобразования африканской семьи в христианскую или туземной системы управления в нечто, приближающееся к западному идеалу, объясняются сложностью и взаимосвязанностью всех видов человеческой деятельности. Моралью, извлекаемой из функционального анализа культуры, должно стать то основное правило, что медленное, постепенное и тщательно спла-

нированное преобразование может быть успешным там, где преобразование случайное, беспорядочное и наспех сработанное только введет в замешательство. Таким образом все, кто на практике имеет контроль над африканскими племенами, могут почти напрямую пользоваться методами функциональной полевой работы. Это потому, что такие методы непосредственно подводят их к знанию того, на чем основано политическое устройство племени и как оно работает; как развиваются туземные системы образования и как религия осуществляет социальное и моральное воздействие на своих приверженцев.

Природа культурных изменений

Культурные изменения – это процесс, который сложно взять под надзор и контроль в аспекте как теории, так и метода. Мы сталкиваемся с проблемами, связанными как с вопросом «*Куда это движется?*», так и с вопросом «*Откуда это появляется?*». Мы имеем дело с объектом, находящимся в движении; скоротечность изменения приводит в беспорядок наблюдения и рушит политические планы. Рост новых, не прогнозировавшихся ранее, сил и факторов, таких как африканский национализм и развитие автономных африканских церквей, заставляет столкнуться с трудностями как описания и анализа, так и практической политики. В этой новой работе и теоретик, и практик должны принять во

внимание широкий спектр проблем западного владычества – как экономического, так и имперского; они должны овладеть хотя бы началами экономической, правовой и политической теории, а также, вдобавок ко всему, познакомиться с антропологическим методом.

Если помнить о том, что в эмпирической полевой работе мы исследуем процесс диффузии и что теоретические и практические интересы должны быть в достаточной мере сбалансированы, то нашей задачей будет определить природу этого процесса, те принципы и понятия, которыми мы будем пользоваться, а также метод полевой работы и наилучший способ сотрудничества между белыми – между людьми, осуществляющими эти изменения, и теоретиками, эти изменения исследующими. Один взгляд на любую часть Британской Восточной или Южной Африки показывает, что нам предстоит иметь дело не с одной культурой, единообразной или смешанной, но с целым «лоскутным одеялом» культурных областей. Есть районы преимущественно европейские и подчиненные западному укладу жизни и мышления. Существуют регионы с племенным укладом, почти исключительно африканские. Но кроме этих двух, есть также районы и социальные институты, в которых африканцы и европейцы сотрудничают друг с другом и зависят друг от друга непосредственным и весьма специфическим образом.

Африка сегодня – взгляд с высоты птичьего полета

Чтобы конкретизировать наши рассуждения, окинем взглядом Африку, какой она предстает нам сегодня^[19]. Пассажиру, летящему внутренним маршрутом Королевских авиалиний, откроется та картина культурной ситуации, которую почти с буквальной точностью можно передать как вид с высоты птичьего полета. После того, как вы проследуете над границей одной из старейших цивилизаций – зеленой лентой Нила, стремящейся к самому сердцу континента, – вы получите первое впечатление от Черной Африки на болотах Верхнего Нила. Эти окружности деревушек, построенных древним способом без единого отголоска европейской архитектуры; эти туземцы в своих ветхих одеждах или во все без них, прохаживающиеся среди скота, запертого внутри изгороди; эта очевидная изоляция каждого селения, затерянного среди почти что неприступных болот, – все это создает по крайней мере внешнее впечатление Африки «в чистом виде», Африки, «не тронутой европейцем». Не может быть сомнений, что Африка по сей день остается для нас одним из великих оплотов туземной культуры.

Как только самолет пересечет границу между нилотами и банту, станет ясно, что мы движемся над преобразившейся Африкой. У баганда дома новые, прямоугольные, построен-

ные по европейскому образцу; и даже, если глядеть сверху, одеждой и украшениями местные жители напоминают выходцев с Запада – в памяти всплывают Манчестер или Бирмингем. Дороги и церкви, легковые автомашины и грузовики – все говорит о том, что мы вступили в мир перемен, где взаимодействуют два фактора, производя культуру нового типа, которая соотносима как с Европой, так и с Африкой, но в то же время не является чистой копией ни одной из них.

Когда самолет приземлится в Кисуму, мы окажемся в небольшом городке, в значительной мере зависимом от интересов золотодобычи. Часть его выглядит почти по-европейски. Некоторые улицы напоминают нам Индию. Но, если брать в целом, это поселение есть сложное, существующее само по себе образование, определенное близостью нескольких африканских племен, а также деятельностью живущих и торгующих здесь европейцев, как и фактом индийской иммиграции. Это – важный центр торговли и экспорта золота; взятый в таком качестве, он должен быть изучен социологами в его отношении как к мировым рынкам, заокеанским промышленным центрам и банковским организациям, так и к африканским трудовым и природным ресурсам.

В Найроби мы вступаем в мир, где туземцы и предметы африканского обихода исполняют роль, соответственно, бессловесных персонажей и декораций. Здесь преобладают большие европейские конторы, банки, церкви и магазины. Белые жители ходят по своим европейским делам и живут в

мире, внешне почти не затронутом Африкой. В действительности же он покоится на африканском фундаменте. Принимать излюбленный местный лозунг, объявляющий Восточно-Африканское нагорье «Страной белых», в его полном и буквальном значении будет серьезным социологическим просчетом. Европейская культура Восточной Африки, хотя и в значительной мере импортированная из Европы, адаптировалась к африканской естественной среде и зависит от ее человеческого окружения.

Это трехчастное членение – различие между старой Африкой, Европой, импортированной на континент, и новой сложносоставной культурой – проходит перед нами вдоль всего воздушного пути, железной дороги и автомобильной трассы. Вот вы выходите к местным угольям, где и сегодня можно послушать африканскую музыку, посмотреть африканские танцы, увидеть африканские церемонии, поговорить с африканцами, одетыми в свои старые наряды, не знакомыми ни с одним европейским языком и живущими старой племенной жизнью. А вот неподалеку, в бунгало или в небольшом европейском поселении, вы слушаете английскую музыку на коротких волнах и наслаждаетесь «чисто европейскими» песнями сплошь об «Алабаме» или «Малышке» или о том, что кто-то де «напеваает вместе со сверчками»; вы можете почитать последние номера «Тэтлера» и «Скетча» и с удовольствием поспорить насчет спорта, местных происшествий и событий за океаном или насчет партийной по-

литики в Англии. В этот мир африканец входит только как призрачная фигура: вот слуга, подающий поднос с «предзакатными» напитками; вот обрывки африканских песен, доносящихся из-за ограды с плантации. Иначе говоря, европеец живет в полной отрешенности от африканской туземной жизни. Время от времени смешной анекдот, вопросы по работе, административные задачи или миссионерские трудности напоминают о ней – все это иногда обсуждают те европейцы, чьи профессиональные заботы связаны с регулированием тех или иных проблем туземцев. Однако это не порождает в них заинтересованности туземной жизнью как таковой, глубокого изучения ее ради нее самой.

Цветной барьер в социальном, культурном, а также в экономическом смысле в значительной мере определяет взаимоотношения между европейцами и африканцами. Понимать эти отношения или как «достаточно интегрированную сферу взаимного существования», или как простую «смесь», составленную на основе прямого «заимствования», – значит игнорировать реальные силы, осуществляющие воздействие и реагирующие на него, не принимать во внимание сильное взаимное сопротивление и антагонизм двух рас и культур.

Однако есть все же и компромисс. Есть живой контакт и сотрудничество. Существуют те виды деятельности, в которых европейцы должны полагаться на африканский труд и в которых африканцы временами проявляют желание участвовать, или же, по крайней мере, на участие в которых можно

убедить их подписать контракт. Есть такие процессы и события, когда абсолютно все группы европейцев внезапно щедро делятся с африканцами тем, что сами считают наилучшим в европейской культуре. Африканцы, со своей стороны, признавая ценность и преимущество европейской религии, образования и технологии или пугаясь их новизны, часто начинают с того, что принимают западные образы определенных видов деятельности с неподдельным интересом и искренним сочувствием. Но столь же часто все это заканчивается социальными движениями противодействия европейскому влиянию, полностью выходящими из-под контроля или вовсе неподлежащими контролю со стороны миссионера или управляющего и временами прямо враждебными белым жителям.

Сейчас повсюду в Африке нам встречаются области и институты, где культурные контакты осуществляются описанным образом – так же, как на рабочем месте в цехе. Образование дается в школах, а проповедь Евангелия ведется в церквях и в миссионерских поселках. В туземных судах отправляется некая смесь исконного и чужеземного правосудия; это происходит под надзором европейцев или даже силами европейских чиновников, более или менее знакомых с местными нормами и обычаями.

Таким образом, даже из чисто поверхностного обзора мы можем заключить, что изменяющаяся Африка не может выступать как однородный предмет исследования, в нем следует выделять три различных элемента, или фазы. Кажется по-

что возможным взять кусочек мела и вывести на карте прямо по поверхности континента границы пространства для каждого из типов: по преимуществу европейские, подлинно африканские и те, что охвачены процессами изменения^[20].

Каждая фаза – европейская, африканская и фаза культурных контактов и изменений – подчиняется своей собственной культурной детерминации. Белые обитатели города, миссии, поселенческой усадьбы или поселка администрации сохраняют свои связи с родной страной. Идеалы их воспитания, их религиозная вера, их политические привязанности, их научные или экономические интересы – все наперечет европейские и часто прямо направляются и контролируются из Европы.

Скрытые силы африканского племенного уклада покоятся в местной туземной традиции. Адаптация их к среде – это результат векового процесса. Политически они контролируются вождями или советами, перед которыми у них долг преданности, основанный на африканских идеях, верованиях и чувствах. Даже когда соплеменники обращаются в чужую религию, получая образование в европейских школах и подчиняясь европейскому праву и юрисдикции, они все же сохраняют многие из их собственных воззрений и чувств, производимых африканской культурой и африканской средой.

Когда мы обращаемся к институтам, возникшим в результате контактов и изменений, мы опять-таки обнаруживаем,

что они не вытеснены целиком ни европейскими влияниями, ни африканскими, но подчиняются своей собственной детерминации.

Все это ставит перед современной антропологией новые задачи, ввиду которых ей придется отныне иметь дело с культурными изменениями. Ученый должен понимать, в чем состоят культурные изменения. Он должен сознавать, какие факторы существенны: каковы, например, европейские влияния, сопротивляемость туземных культур изменениям, готовность принять некоторые из новых методов, отвергая при этом другие, – короче, каковы силы и факторы преобразования. Полевой исследователь должен придумать способы изучения этих явлений, пути их группировки и приемы для того, чтобы представить их ясно и убедительно.

Очевидно, что изменения исследовать труднее, чем состояние устойчивое и выкристаллизовавшееся. Для работы над этой проблемой нам нужно зафиксировать некую прочную структуру, с которой можно было бы соотнести множество факторов, текущее многообразие постоянно меняющихся вещей. Таким образом, корректная теория изменений должна выработать методы эмпирического исследования.

Наконец, антрополог должен извлечь пользу из себя самого, на чем мы уже имели случай настаивать. Он – компонент активной западной цивилизации, которая дала начало процессам установления изучаемых связей и до сих пор в значи-

тельной степени их контролирует. Способствовать контролю над действующими факторами изменений при помощи информации и советов, в той мере, в какой только возможно, — именно в этом заключается долг его науки.

Рассмотрим, таким образом, следующие три пункта:

1. Природа культурных изменений.

2. Эмпирические методы полевой работы, лучше всего способствующие созданию ясной картины культурных изменений в каждом конкретном случае.

3. Основы практических советов, опирающихся на ту способность предвидения, которой обязательно наделяет всякая правильно понятая наука; критерии приспособляемости и жизнестойкости африканских институтов; и возможность прогнозов в процессе культурных изменений^[21].

II. Теории культурных изменений

Ситуация контакта как интегральное целое

В том, что касается природы культурного изменения, немедленно напрашивается одно простое решение. Ситуация контакта в любой момент является культурной реальностью. Почему бы нам не воспринять ее как «интегральное целое»: ведь в любом конкретном случае у нас имеются африканцы и англичане, индийцы и средиземноморские имми-

гранты, которые работают вместе в пределах одной среды и решают единые культурные задачи? Стоит принять это допущение, как проблема эмпирической работы решается сама собой. Нам следует пользоваться точно теми же методами и приемами, какими в прежние времена пользовался антрополог старой школы при изучении своего предмета – первобытной, относительно стабильной, обособленной культуры.

Сейчас, в общем и целом, существует согласие относительно того, что наиболее существенный элемент в любой ситуации контакта образуют европейцы. Некоторое время тому назад я несколько дерзко настаивал на том, что «просвещенный антрополог должен принимать во внимание европейскую тупость и предвзятость» в той же самой мере, что и африканское суеверие и отсталость^[22]. Теперь я бы сформулировал это положение иначе, более осторожно, заявив, что весь спектр европейских влияний, интересов, добрых намерений и хищнических побуждений должен стать существенной частью исследования африканских культурных изменений. В действительности, эта точка зрения стала сейчас почти общим местом и в полевой работе, и в теории. Однако, на мой взгляд, этот вполне оправданный общепризнанный тезис чересчур расширяется, когда утверждают, что «миссионер, представитель администрации, торговец и наниматель рабочей силы должны быть поняты как факторы племенной жизни – точно таким же образом, как мы воспринимаем вождя или колдуна»^[23]. Или когда при обсуждении методов по-

левой работы нас наставляют, что «новая техника в изысканиях подобного рода не требуется...». Один из авторов заявил даже следующее: «Действующие силы контактов можно рассматривать как неотъемлемую часть сообщества»^[24]. Звучит это правдоподобно и наверняка может сильно упростить суть дела. Нам нужно только незначительное увеличение числа наших информантов и, быть может, качественное их улучшение. Мы тогда могли бы относиться к местным европейцам как к квалифицированным источникам информации и использовать их для своих целей, работая с ними точно теми же способами, какие применяются в случае туземных информантов^[25].

К сожалению, упрощение подобного рода едва ли можно признать приемлемым. Отношение к комплексной ситуации изменения как к некоему «достаточно интегрированному целому» – мы могли бы назвать подобный подход «однолинейным» – связано с игнорированием общего динамизма процесса. При таком подходе совсем не принимается в расчет основной факт культурных изменений, а именно то, что европейские жители – миссионеры и управляющие, поселенцы и предприниматели – действительно являются главными действующими силами изменений. Понятие хорошо интегрированного целого упустит из виду важнейшие факты, как, например, «цветной барьер» – неизменно возникающую пропасть, которая пролегает между двумя сторонами в процессе изменений и благодаря которой они оказываются

разделенными в церкви и на заводе, в работе на шахте и в политическом влиянии.

Главное, такой подход затемняет и искажает единственно правильное понимание культурных изменений в подобных областях, а именно тот факт, что данные изменения есть результат воздействия более высокоразвитой и активной культуры на более примитивную и пассивную. Понятие достаточно интегрированного сообщества или культуры исключает из рассмотрения типичные феномены изменений – притяжение или отторжение, преобразование определенных институтов и возникновение новых.

Тем не менее это понятие, хотя и неполно и скудно, но все же выражает истину: небольшое сообщество, неизменное или инертное, или то, которое едва ли до сих пор испытывало на себе полное воздействие процессов вестернизации, может восприниматься как находящееся в состоянии временного приспособления. Миссионер обратил в христианство часть племени, тогда как оставшаяся сохранила язычество. У представителя администрации может не быть возможностей или причин вторгаться в традиционную племенную жизнь. Торговец, обосновавшийся в регионе некоторое время назад, может поставлять товары, которые уже стали остро необходимыми, получая взамен деньги или продукты туземцев. Именно эту группу людей – тех, кто вступает в сотрудничество, кто живет бок о бок друг с другом, находясь в то же время в сношениях, содержащих в себе лишь малую

толику «динамизма», кто на время приспосабливается друг к другу, – эту группу можно рассматривать как интегральное целое.

Однако каково же допущение, которое мы вынуждены были сделать для достижения этого временно полезного упрощения? Мы на секунду согласились забыть о самом факте изменений. Очевидно, что это неправомерно, коль скоро изменения – главная тема нашего исследования. Ведь именно тогда, когда мы пытаемся сгруппировать нашу работу и наши интересы вокруг *понятия изменений* и методов полевой работы по изучению культурных контактов, недопустимо забывать о том, что европейские силы везде выступают как главный источник, проводник, «привод» изменений; что именно они планируют, принимают меры и осуществляют импорт в Африку, они решают удержать у себя что-либо, они отнимают землю, работу и политическую независимость, что они сами в большинстве своих действий зависят от тех инструкций, идей и сил, которые были рождены и существуют вне Африки.

Возьмем миссионера^[26]. К нему нельзя относиться «таким же образом, как к колдуну...». Миссионер – это инициатор и эпицентр происходящей сейчас в Африке религиозной революции. Он не был бы верен своему призванию, если бы хоть раз согласился действовать по тому принципу, что христианство есть «лишь одна из форм культа». В сущности, в соответствии с его призванием, он относится к другим фор-

мам религии как к заблуждениям, которые подобает только уничтожать, а христианство воспринимает совершенно по-иному – как религию, которую следует насаждать как единственно истинную. Вовсе не желая ставить рядом с христианством другие культы и сочетать их учения с евангельской вестью, миссионер усердно занят вытеснением местных верований.

С другой стороны, представитель администрации далек от того, чтобы когда-нибудь стать вождем в традиционном понимании или быть представителем племенной власти, при том, что фактически он есть ее неотъемлемая часть в любом смысле; ведь сам он всегда должен быть вне племени и выше его, должен контролировать его извне. К нему не относятся как к вождю, потому что его действия не похожи на поступки вождя. Средний британский чиновник пытается служить справедливости и быть отцом для своих подопечных. Но составляет ли он с его точки зрения неотъемлемую часть племени? Нет. Он не был ни рожден, ни воспитан ради интересов племени, он даже не очень-то хорошо разбирается в каких-либо свойственных племени взглядах и обычаях. В действительности он – слуга Британской империи, временно работающий в такой-то колонии, воспитанник европейской общеобразовательной средней школы, англичанин или шотландец. В первую очередь он должен охранять интересы империи. В колонии он должен оберегать европейские интересы, а также поддерживать равновесие между этими ин-

тересами и противостоящими им туземными притязаниями. Трактовать роль европейских политических сил в Африке в терминах вымышленного хорошо интегрированного сообщества значило бы для нас оказаться слепыми по отношению к самому определению задач, природы и смысла колониального управления.

Точно так же и промышленное предприятие не может восприниматься как часть племенного объединения. Странно выглядело бы то африканское племя, которое охватывало золотые шахты Рэнда с их гигантским заводом, биржу Йоханнесбурга и банковскую систему, простирающуюся от Кейп-Кода до Каира. Системы коммуникации, железные дороги и самолеты Королевских авиалиний, сеть автомобильных дорог, по которым ездят легковые автомобили и грузовики, — все это часть культурных контактов. Но понятие расширенного африканского племени, понятие, в которое можно втиснуть все перечисленное ради того, чтобы образовать единый племенной горизонт, обречено на провал сразу же, как только будет создано^[27].

Очень трудно будет воспринять поселенца и его африканского соседа как братьев, принадлежащих к одной большой семье; в равной мере трудно применить данное понятие к некоторым африкаанс-говорящим группам и к кафрам, интеграция с которыми вступает в противоречие с основными принципами *Грондвета* или конституции Бурской Республики. Что же касается возможностей практического при-

менения антропологических изысканий, то концепция культурных изменений как воздействия западной цивилизации и реакции на нее туземных культур – это единственный плодотворный подход. Планы, намерения и интересы белых сил, участвующих в контакте, мы должны трактовать как нечто такое, что может быть реализовано только через сотрудничество с африканцами, или как то, что терпит неудачу из-за реального конфликта интересов, ошибочного планирования, непонимания или отсутствия общей основы для эффективной совместной работы. Антрополог может стать здесь полезным советчиком, только если он отчетливо понимает, что возможность эффективного сотрудничества иногда существует, что есть определенные условия, при которых оно возможно, причем в известных случаях результатом взаимодействия неизбежно будет столкновение^[28].

Предметы исследования в области культурных изменений, с одной стороны, и в неизменных культурах, изучаемых антропологом при помощи обычной полевой работы, – с другой, различаются в нескольких отношениях. В первом случае налицо культура вторгающаяся и культура воспринимающая. Тем самым мы имеем дело с двумя культурами вместо одной, с видоизменениями реципиентов под воздействием агрессоров и наоборот. Но и не только это. На месте нахождения воспринимающей культуры всегда совершается формирование агрессивного или захватнического сообщества (имеются в виду белые поселенцы). Оно никоим об-

разом непосредственно не копирует породившее его и находящееся за его пределами («дома») сообщество. Во взаимодействии между туземным и европейским сообществами существует возможность возникновения третьей стороны, таких участников процесса, как индийцы, сирийцы и арабы в Африке, а иногда – растущее смешанное население, как, например, цветное население Кейпа в Южной Африке. Это безмерно усложняет проблему или, точнее, умножает число составляющих элементов в предмете исследования.

Антропологу здесь уже более не приходится изучать достаточно определенное и строго очерченное образование, как, например, конкретный остров в Океании. Он имеет дело с частью огромного континента^[29] и с сообществом, находящемся в окружении обширнейших территорий. В действительности, в этнологическом смысле ему предстоит иметь дело с двумя типами внутренних областей: один такой тип принадлежит европейской культуре – с ним контактируют члены белого сообщества, оттуда ими руководят, оттуда они постоянно импортируют товары и воспринимают идеи, и туда они в конце концов так или иначе возвратятся. Африканец также имеет свои внутренние области, свою древнюю культуру, теперь принадлежащую прошлому; иначе говоря, это его собственное сообщество, к которому он должен возвратиться после кратковременных вхождений в контакты с белыми; более того, это внутренние области других племен, с которыми ему придется сотрудничать.

Стало быть, если обычная антропология отводит для своего материала одну колонку, то в антропологии культурных изменений их будет, по крайней мере, три: одна – внутренние области белых, другая – черных, третья – культурные контакты. Ни одно явление из третьей колонки контактов не может быть изучено без постоянных обращений к двум другим сторонам – белой и черной.

Диффузия

Если бы нам для того чтобы обработать свидетельства о культурных изменениях, пришлось искать готовое решение в существующей этнологической теории, нам естественно следовало бы обратиться к тому самому учению о диффузии и исторических отношениях культур прошлого, которое разработала школа, берущая начало в трудах Ратцеля, и в которое значительный вклад внесли многие немецкие и американские антропологи. Ученые данной школы понимают диффузию как переход составных элементов или характерных черт из одной культуры в другую. Полагают, что эти элементы или черты усваиваются воспринявшей их культурой посредством растворения или же складываются в некие комплексы, компоненты которых не связаны друг с другом естественным образом. Тем самым продукт диффузии понимается как смешение культурных элементов или комплексов, настолько прочно взаимосвязанных, что основной теорети-

ческой задачей культурного анализа в отдельных культурных слоях или иных гетерогенных образованиях оказывается высвобождение их из базовой среды и обнаружение их происхождения.

Поэтому по результатам случайных компаративных исследований меланезийских и африканских культур объявляют доказанным, что культуры лука и стрел, зародившись где-то в Меланезии, перекочевали в Западную Африку и в иные края земли. Другие исследования были посвящены выявлению исторического влияния больших культурных потоков, распространившихся из Юго-Восточной Азии через Зондские острова в Океанию. Диффузионизм британской школы в своих впечатляющих реконструкциях предпринял попытку укрепить доказательство того, что архаическая культура Египта оставила свои следы по всему миру благодаря ее поэтапному продвижению по Древнему Востоку – Индии, Китаю, тихоокеанским островам и далее до Нового Света.

Наряду с этими исследованиями столь же ценными и показательными являются методы, на которых они основаны. Их центральные понятия должны быть тщательно пересмотрены в свете нового эмпирического материала, полученного в ходе текущей полевой работы по современной диффузии с акцентом на событиях в Африке. Предвосхищая некоторые последующие результаты, я должен сказать, к примеру, что Гребнеровы критерии тождества, хорошо извест-

ные принципы формального и количественного критериев и несвязанных характерных особенностей должны быть отброшены. В действительности, трактовка диффузии в терминах характерных особенностей и их комплексов имеет, как мне представляется, сомнительную ценность^[30]. Эмпирическое исследование диффузии показывает нам, что суть этого процесса заключается не в беспорядочном и случайном обмене, но что он управляется известными силами и воздействиями со стороны культуры-донора и достаточно определенными противодействиями со стороны реципиентов. Мы также обнаружим, что не сможем изучить диффузию посредством полевой работы, пока не признаем, что преобразуемые элементы – это не характерные особенности и черты или их комплексы, но сложноорганизованные системы или институты. То, что воздействует на туземную племенную знать, – это европейская администрация; то, что видоизменяет африканский труд, – это западное предприятие; наконец, то, что преобразует организованную систему африканской религии, – это организованная система миссионерского сообщества.

Продукт изменений как смещение составных элементов

Другая концепция феноменов изменения в значительной степени основывается на теоретических постулатах, взятых за основу немецкой и американской диффузионистскими

школами. Эта точка зрения отвергает ошибочное понимание продукта изменения как интегрированного культурного феномена и справедливо признает, что африканская культура, какой мы застаем ее сегодня, не является гомогенной. Д-р Моника Хантер, вероятно, среди британских антропологов занимает наиболее отчетливо выраженную позицию; она выступает за необходимость особого подхода к проблемам культуры и за новые методы исследования в области культурных изменений. Однако, оставаясь в сфере влияния идей диффузионистов и методов «культурного анализа», она обращается с термином «смещение» несколько механистически. По ее мнению, главной задачей антропологии должно стать «по возможности предельное разграничение элементов, воспринятых от европейской культуры и бывших до пришествия европейцев частью культуры пондо»^[31].

Она прямо противопоставляет «чисто функциональное исследование» «изучению контакта», и тонко замечает, что точка зрения строго последовательного функционалиста должна быть смягчена, когда мы обращаемся к быстро меняющейся африканской цивилизации и к воздействию европейских факторов. Кто читал предыдущие рассуждения, поймет, что я полностью согласен с тем, что сегодня настоятельно требуется развивать новые методы, искать новые средства предъявления фактов и расширения кругозора антикварной антропологии. Трехсторонний подход не был необходим для полевой работы старого типа, занятой только

не изменяющимся туземным сообществом. Но ясно также и то, что я не могу согласиться с тем положением, что культура есть «смешение частично сплавленных элементов, которые могут быть поняты только на основе их культур-предков»^[32]; или же с высказыванием Хантер о «невозможности понять существующие институты без знания о прошлом»^[33].

Процитированные места побуждают к разбору нескольких вопросов, весьма уместных при формировании методов исследования и разработке теории культурных изменений. Позволяет ли образ «смешения частично сплавленных элементов» ясно узреть природу культурных изменений? Неужели нам в действительности приходится иметь дело с механическим соположением или беспорядочным смешением, с элементами, извлеченными из двух контекстов и смешанными в различных пропорциях? Кроме того, в каком смысле настоящая фаза развития и изменения может быть понята на основе породивших ее культур? Соотносимы ли напрямую изменения в Африке с европейской культурой, с одной стороны, и древней африканской, – с другой? В самом деле, нет ли глубокого различия между европейцем в Африке и европейцем у себя дома? Ставя подобные вопросы, я хочу сказать, что воздействие европейских интересов, влияний и работающих инстанций – не просто проникновение или смешение, но некий процесс, сочетающий в себе ориентацию на различные направления и на разные цели. Эти ориентации не полностью интегрированы друг в друга и по-

этому ведут себя не простым образом: прежде всего, европейские элементы не просто смешиваются или сплавляются с африканскими культурами, но видоизменяют их гораздо более сложно и динамично^[34].

Конечно, мы могли бы, проводя изыскания в любой городской местности, на территории шахты или даже в туземном заповеднике, составить список предметов, обычаев и занятий, которые для внешнего наблюдателя легко бы встраивались в соответствующие европейские или африканские категории.

Во время моего единственного посещения старейших и самых ветхих туземных дворов я зафиксировал целый набор подобных действий: гадание, проведенное зулусским знахарем; молитвенное собрание методистов с пением гимнов и полноценной проповедью; подготовка молодых юношей к обряду инициации; африканская игра в «доску и камушек» на европейские деньги. Кроме того, можно упомянуть следующую подборку предметов: ботинки с моравского завода, велосипед из Японии, набор одежды от индийских, английских, немецких и американских портных.

Каждое изделие и каждое событие легко могло быть соотнесено с местом своего происхождения. Часть из них со всей очевидностью происходили из других стран. Некоторые – игра, гадание, несколько украшений, безделушек и деталей одежды колдуна – были родом из Африки, так же, как и целительные средства, змеи, летучие мыши, черепа бабуинов,

выставленные на продажу. Особый акцент на разбросанности и разнородности происхождения этой странной коллекции способен только усилить наше восхищение ее нелепостью. Однако подобное механическое приписывание элементам какой-то одной характеристики полностью выпускает из внимания значимость того целостного процесса, который и обусловил возникновение туземного двора со всем его содержимым.

Возьмем любой предмет, например японский велосипед. Подобные изделия имеют крайне низкую цену и сделаны специально для африканского рынка. А значит, они не являются частью японской культуры, пусть даже культуры современной. Спрос на них – это результат действия всего комплекса сил, возбудивших в туземце, из-за престижа и ореола превосходства европейцев, желание быть им подобным ради самого подобия. К тому же использование велосипеда стало возможным благодаря деятельности европейцев, например, налаживанию коммуникаций и строительству дорог, и потребности африканцев облегчить себе путь от места жилья до места работы. Африканцам в некоторых районах не позволено ездить на автобусах или трамваях, поэтому им приходится использовать велосипед.

Стало быть, ни африканский спрос на какие-то товары, ни даже механизмы поставки не могут быть поняты, пока мы не рассмотрим данную отдельную ситуацию с учетом всех сложных, но четко определенных воздействующих сил.

Возьмем предметы одежды. Туземец, служащий констеблем или солдатом, подряжающийся на шахту или на работу по дому, зачастую одевается в униформу; при этом, будучи новообращенным христианином, он должен принять подобающий христианской почтенности вид. Ни одна из этих униформ не копирует ни европейский стиль, ни даже африканский. Финансист из Йоханнесбурга, нанимающий повара или прислужника, не старается добиться, чтобы тот по внешнему виду был подобен ему самому или, скажем, его дворецкому или камердинеру, но прямо облачает его в платье слуги-африканца.

Таким образом, принятие европейской одежды – это не просто усвоение «отдельных характерных черт», но результат сложноорганизованного процесса. Если мы хотим его понять, нам надо рассмотреть европейскую торговлю, европейские службы занятости, как и все особенности действующей в институтах психологии в их подчиненности европейскому престижу и превосходству и в их отношении определенных программ частичных преобразований в Африке.

То, что мы выяснили относительно материальных вещей, приобретает более глубокое значение, когда мы обращаемся к рассмотрению социальных феноменов и проявлений духовной культуры. Гадание и колдовство, имевшие место во дворе городского дома, были не просто воспроизведением исконно африканских обычаев. Увиденное мною в Йоханнесбурге действо было африканским гаданием, но поводом

прибегнуть к колдовству послужили беспокоившие работника шахты соперничество и чувство зависти, услуги колдуна оплачивались английскими деньгами, а его рекомендации давались в таких выражениях, которые не мог бы понять ни один член племени. Проводившиеся повсюду в Йоханнесбурге обряды инициации – признак возвращения к известным племенным ценностям, претерпевшим серьезные изменения в ходе развития. Поэтому, опять-таки, любая попытка достичь более глубокого понимания сути дела уводит далеко в сторону от игры в «характерные особенности», «комплексы характерных свойств» или «культурные слои»^[35].

Поднятые здесь проблемы интересны и важны как для антропологической теории в целом, так и для более узкой ее области, нас занимающей, то есть для понимания принципов и методов культурных изменений. Пойдем дальше в нашем анализе, исследуя некоторые другие институты, в которые вовлечены европейцы и африканцы^[36].

Возьмем такой типичный продукт изменения, как большое промышленное предприятие – шахту по добыче золота или меди. Можем ли мы рассматривать ее в качестве некой смеси, соположения или набора «частично сплавленных элементов» из Европы и Африки? Очевидно, нет. Это новый тип предприятия, организованный западным капиталом и по европейской инициативе, но работающий в экзотической обстановке и с африканской рабочей силой. Представим себе набор элементов, «позаимствованных» у западной цивили-

зации: горнопромышленный завод – инструменты, вагонетки и рельсы; оборудование для добычи руды в забое; различные инженерные приспособления – все это свалено в степи или в джунглях. Представим себе всю армию доставляемых туда африканских работников, а также весь состав квалифицированных европейских рабочих и инженеров, размещенных там. Рядоположенное, механически сведенное воедино, все это не образует еще шахту или завод, но может восприниматься лишь как набор условий, необходимых, но недостаточных для создания подобного производства. Где кончается «заимствование», там начинаются культурные изменения. Преобразование финансовых и промышленных предприятий в организацию африканского труда с целью эксплуатации африканских ресурсов – это новый процесс, настоящий процесс контактов и изменений.

Сразу, как только пущено в ход новое промышленное начинание, перед нами возникает сложное образование – европейское предприятие, которое существенно зависит от африканской рабочей силы и ресурсов и в котором невозможно вычленишь африканские и европейские элементы. Оно не может быть понято – ни в целом, ни в отдельных его составляющих – на основе африканских или европейских прототипов. Не существует европейского прототипа для таких феноменов, как закрепление цветного барьера в законодательстве или на практике и вербовка рабочих в заповедниках, для того метода страховки, при котором в период про-

изводственного спада излишняя рабочая сила выдворяется на племенные территории. Дифференциация в оплате труда, основанная на расовой дискриминации, характерный для сегодняшней Африки тип контракта, предусматривающий одностороннее уголовное преследование, самые изощренные способы получения подписи контрактанта, – все это ново как для Европы, так и для Африки. Предопределяется это тем фактом, что налицо две расы и две культуры, влияющие друг на друга. Концепция механического присоединения элементов одной культуры к другой не ведет нас далее первоначальных подготовительных стадий исследования, но даже здесь она рушится при малейшей попытке конкретного анализа. В действительности же происходит взаимодействие особых сил, участвующих в контакте: расовой предвзятости, политического и экономического империализма, потребности в сегрегации, охране европейских стандартов жизни и африканской реакции на все это. Попытка подойти к объяснению одного из крупнейших автономных промышленных предприятий в Африке с позиций концепции «смешения» приведет нас к отказу от исследования всего процесса в тот самый момент, когда оно действительно приобретет важность.

Африканский труд отличается от европейского в правовом, экономическом и социальном отношении. В то же время этот труд никоим образом не может быть отнесен к африканской племенной экономике. Уровень оплаты, уголов-

ное преследование по контрактам, законы об обязательной паспортизации, проблемы питания, возникающие в Южной Африке, не могут быть поняты на основе европейской и африканской культур-прародительниц^[37]. Невозможна никакая классификация элементов, и никакое приписывание к предшествующей культуре не имеет опоры в реальной действительности, потому что здесь нам приходится иметь дело с широкомасштабным явлением, по существу, целым набором определенных экономических, правовых и социальных регуляторов, возникших как ответ на новые потребности, а именно с крупномасштабной эксплуатацией африканских ресурсов европейцами для западных целей и за счет африканского труда. Ошибочность подхода к этому феномену как к простой совокупности фрагментов, «позаимствованных» у белой и черной предшествующих культур, очевидна.

Задача полевого исследователя не может состоять в выявлении, извлечении и перегруппировке белых и черных элементов воображаемого конгломерата, потому что действительное содержание культурных изменений – это не конгломерат, не смесь и даже не рядоположенность частично сплавленных элементов.

Возьмем другой пример. Во дворах йоханнесбургских трущоб, являющих собой продукт культурных контактов, можно обнаружить и другую «смесь», признак и символ культурного изменения, – *скокиан*, знаменитый состав, который готовят, распространяют и потребляют в печаль-

но известных трущобах южноафриканских туземных поселений. Современная девушка, ищущая чего-нибудь экстраординарного для вечеринки с коктейлем, может отыскать рецепт в докладе Комиссия по экономическим проблемам туземного населения: «Изобретены ужасающе вредные напитки. Смешивались любые быстро увеличивающие содержание алкоголя вещества; карбид кальция, метиловые спирты, табак, патока и сахар, медный купорос – это только некоторые примеры»^[38]. Ингридиенты этой смеси ни разу не встречались ни на одной вечеринке с приготовлением спиртных напитков в Блумсбери или Гринвич Виллидж. Будучи элементами «коктейля», они были не «позаимствованы», но переосмыслены африканским гением и приспособлены к новой функции. При этом очевидно, что африканская культура-предок не дает ни единого «прецедента» какого-либо использования карбида кальция, синего песчаника или метиловых спиртов. Скокиан – это закономерный потомок трущобного двора, рожденный от европейских моральных устремлений. Прочитайте сопроводительные параграфы в докладе, и вы обнаружите, что скокиан возник как ответ на «проблему... изобретения напитка, который можно было бы производить и хранить в небольших количествах, легко прятать, который бы готовился лишь за несколько часов и оказывал алкогольное действие быстро». Повсеместное запрещение туземного пива – самого по себе полностью безвредного, – инициированное пуританами и усиленное поли-

дейским контролем, побудило туземцев изобрести скокиан и способствовало появлению поклонников этого напитка.

Являются ли такие феномены, как туземные поселения или шахтерские городки, африканские небольшие владения или сельскохозяйственные кооперативы, продуктом смешения прежде уже существовавших элементов? Едва ли. Все они целиком и полностью новы и произведены теми условиями, которые порождены воздействием европейской цивилизации на архаическую культуру Африки. Кроме того, в тех случаях, когда в африканских деревнях появляются значительно упрощенные типы европейских домов, мы обнаруживаем, что данные ситуации неизменно связаны с целым набором предпосылок и сопутствующих условий. Те, кто перенимает особенности европейского жилища, – это образованные и христианизированные туземцы, обученные привычкам элементарной гигиены и соблюдения чистоты, чаще всего работающие у белых или на посевах товарных зерновых. Потому что для постройки, поддержания и использования новых материальных объектов необходимо известное количество наличных денег. В самом деле, эмпирическое исследование данной проблемы может показать, что перенимается не сам тип дома, не лежанка, и даже не культурный комплекс, из всех этих предметов состоящий, но, скорее, неотъемлемый институт прозападной семейной жизни, основывающийся на христианстве и образовании, на определенных европейских занятиях и на использовании денег. Но даже и

здесь мы не избегаем метафоры. В действительности, по всей Африке происходит формирование нового типа туземной домашней жизни как результат известных специфических европейских влияний, которые, однако, в процессе усвоения их африканцами были значительно видоизменены.

Школа в буше не имеет предшественников в Европе или в племенной Африке. Вопрос обучения мужчин и женщин профессиям из той области деятельности, к которой они затем не допускаются, причем на правовых основаниях, не возникает ни в Европе, ни даже у африканских банту. Возьмем, к примеру, образованного африканца как продукт этого процесса. Я бы хотел посмотреть на того этнографа, который бы мог исполнить задачу разделения на составляющие элементы применительно к анализу вестернизированного африканца, не разрушая при этом единственно важное в нем – его личность. Образованный африканец – это новый тип человека, наделенного способностями и энергией, со своими преимуществами и недостатками, с проблемами и воззрениями, не переходящими по наследству ни к его соседу европейцу, ни к его собрату по племени.

Природа культурных изменений определена такими факторами и обстоятельствами, которые не могут быть оценены посредством изучения любой из двух культур, взятой отдельно, или же обеих вместе, трактуемых как нагромождение множества составляющих их элементов. Столкновение и взаимодействие двух культур производит нечто новое. И

даже материальный объект, некое приспособление или орудие (например, деньги), вносит изменение в самый процесс культурного контакта. Антрополог должен соотносить добрые намерения европейцев с потребностями ситуации; вдохновенный либерализм и добрую волю миссионера – с более материалистичными замыслами финансиста, предпринимателя и поселенца. Вся концепция европейской культуры как рога изобилия, даром изливающей на всех свои блага, способна лишь ввести в заблуждение^[39]. Европейец берет столько же, сколько дает, – а в действительности значительно больше. Но присваивает он вовсе не характерные черты туземной культуры, но землю, богатство и рабочую силу. Это не обвинение европейцам и никоим образом не речь в пользу туземцев. Просто это серьезное предостережение, напоминающее о недостаточности подхода, исключаящего из исследования изменений реальные движущие силы.

Я полагаю, есть необходимость в том, чтобы раз и навсегда прояснить: относиться к процессу культурных изменений как к статичному продукту, достигнутому африканцами и европейцами при системе временной интеграции и гармоничного союза, бесполезно и непродуктивно. Равно непродуктивно трактовать этот процесс как механически полученную смесь, а главную проблему видеть в сортировке и выписывании накладных на составляющие элементы данной смеси. Феномены изменений – это новые культурные реалии, которые следует изучать непосредственно, а не по косвенным

признакам, и с полным сознанием того, что нам придется иметь дело, по крайней мере, с тремя фазами. С пониманием, что эти три фазы находятся во взаимодействии, но что их взаимодействие не может быть понято через вычленение и оценку исходных составляющих.

Изучение культурных изменений должно принимать в расчет три среза действительности: воздействие высшей культуры; субстанцию туземной жизни, на которую оно направлено; явление автономных изменений как продукт взаимодействия, происходящего между двумя культурами. Только проанализировав каждую проблему в рамках каждой из этих трех рубрик, а затем сопоставив колонку, анализирующую европейские влияния, с двумя другими (с ответом на эти влияния туземцев и результатами изменений), – только так мы придем к выработке наиболее полезных методов исследования. Два исходных воздействия, европейское и африканское, сталкиваются друг с другом, никоим образом не соединяясь механически. Этот толчок дает начало конфликту, сотрудничеству или ведет к компромиссу.

III. Ценность исторического исследования и пределы его возможностей

Поиск нулевой точки процесса изменений

Необходимо рассмотреть еще одну точку зрения на природу контакта, а именно ту, которая трактует изменения как отклонение от первоначального состояния равновесия и приспособленности, почти как отход от первоначального племенного уклада. Также подразумевается, что изменения в целом соотносятся с такими характеристиками, как неприспособленность, деградация, социальная напряженность и нарушение законодательных и моральных принципов. Не будет ли поэтому естественным принять, что культурные изменения есть отклонение от нормальных условий? Д-р Люси Мэйр ввела удачное понятие для обозначения равновесного состояния племени в ситуации до воздействия со стороны европейской культуры – «нулевая точка» культурных изменений.

Эта точка зрения одновременно правдоподобна и привлекательна. Чтобы объяснить степень и «причины» изменений, кажется обязательным и необходимым вернуться к их исходной точке. Воспоминания ваших старых информантов, вну-

шающие особое доверие в том, что касается вопросов племенного знания, изображают прежние времена как золотой век человеческого существования. Естественная склонность каждого этнографа также заставляет его воспринимать доброкачественную туземную культуру не просто как *terminus ab quo*³, но как *terminus ad quem*⁴ нормального состояния, как единственно правильный критерий для сравнения, проводимого между патологией изменения и здоровым состоянием племенного уклада. Действительно, вся научная работа требует устойчивой системы координат, определенного набора установок, и нулевой уровень контактов и изменений на первый взгляд как будто дает наилучшую точку отсчета и определяет масштаб для оценки любого отклонения от нормы. Подобное сравнение обеспечивает, таким образом, по словам Мэйр, «объективную основу для определения политики»^[40].

Л. Мэйр в своем мастерском изложении данной концепции настаивает, что обнаружение подобных отклонений от нормы в современных африканских институтах требует – в качестве исходной точки – реконструкции, позволяющей дать полный образ работы данных институтов во времена, предшествующие контакту^[41]. Хотя она и признает определенную ограниченность подобной реконструкции, но тем не менее настаивает на том, что исторический подход имеет су-

³ Исходный пункт (лат.). – Прим. пер.

⁴ Предел (лат.). – Прим. пер.

щественное значение для анализа ситуации контакта. Отставив свою позицию, она проводит различие между более или менее статичными обществами и теми, которые подвергаются быстрому изменению. Мэйр утверждает, что в статичном обществе, где институты уже приобрели прочные основания и стабилизировались, знание о прошлом будет несущественным для функционального постижения настоящего. Но в изменяющемся обществе, где нововведения еще не выкристаллизовались и новые институты не заняли строго определенного места, где еще не были осуществлены дополнительные модификации социальной структуры, – там контраст между прошлым и настоящим имеет огромное значение^[42]. Проводимое Мэйр разграничение статичных и динамических фаз в истории культуры и ее предложение использовать два метода, функциональный и исторический, для изучения этих различающихся фаз имеют широкие теоретические следствия. Это может, например, привести к заключению, что функциональный метод ограничен в сфере своего применения, что он не может считаться пригодным для изучения стабильной, сбалансированной культуры, в которой все системы социального сотрудничества находятся в состоянии равновесия.

Л. Мэйр доводит разграничение между статичной и динамической фазами в истории культуры до крайней степени, констатируя, что уравновешенная и благодаря этому статичная фаза – это нормальное состояние культуры, тогда как динамическая фаза, с которой мы встречаемся в современных

ситуациях разнородных контактов, представляет собой патологическое состояние. Такая дуалистическая концепция, коль скоро она утверждает принципиальное, а не только количественное различие между культурами, превращается в отдельную рабочую гипотезу, которая должна быть тщательно проверена, перед тем как будет принята в качестве основания для дискуссии о методах исследования.

Пытаясь точно определить сущность исторического сравнения традиционной культуры и ситуации контакта, Мэйр отрицает социологическую значимость изучения промежуточных стадий. По ее мнению, это объясняется тем, что в настоящем уже невозможно установить, каким было соответствие между различными историческими событиями и развитием туземной культуры в тот момент, когда каждое из этих событий имело место^[43]. Поэтому она делает вывод, что в изучении культурного контакта предметом для каждого антрополога может и должно стать сравнение традиционных туземных институтов, то есть традиционной культуры в нулевой точке сопутствующих контакту влияний, с современной ситуацией^[44].

Я уже говорил о том, что реконструкция есть и остается одной из главных задач научной этнологии. Но признать закономерность интереса к реконструкции, даже страсть антиквара, – это одно; а согласиться с утверждением, что реконструкция является особым методом изучения культурного контакта, – другое. Прежде всего, важно не смешивать

вать реконструируемое прошлое с реальностью того, что до сих пор продолжает существовать в качестве сохранившихся осколков исторического прошлого. Например, тот факт, что власть вождя по-прежнему сохраняется даже там, где ее полностью игнорируют воздействующие на туземную культуру европейцы, доказывает, что в данных областях этот институт все еще не утратил своей жизненной силы. Однако власть вождя, существовавшая на несколько поколений ранее, должна была отличаться от той формы, в которой она дожила до сегодняшнего дня, хотя бы потому, что до-европейская ситуация характеризовалась абсолютным самовластием главы племени и предполагала полную и нераздельную власть вождя, включая его право вести войну, добывать рабов и держать под контролем все богатства племени. А для будущего и даже настоящего важно то, что до сих пор живо, а не то, что уже умерло.

Равным образом важно понимать, что «вспоминаемое прошлое» – то есть его отражение в человеческой памяти – не нужно, а в действительности и невозможно, реконструировать. Его нужно исследовать просто путем привлечения воспоминаний членов племени. А здесь мы приходим к другой ошибке, а именно к смешению мифологического образа прошлого, какое создают и поддерживают туземцы, со строго выверенной картиной, которая должна возникнуть в результате научной реконструкции. Для некоторых африканцев, все еще преданных собственной культуре, прошлое в ре-

троспективном взгляде становится раем, утерянным навсегда. Для прогрессистов или ренегатов, зачастую существенно выигрывающих от изменения, прошлое – это время непомерного зла. Доверие к воспоминаниям стариков или современным рассуждениям о том, что было, не всегда оправданно и редко способствует достижению целей реконструкции. В действительности исследователя культурного изменения занимает вовсе не объективно истинное прошлое, реконструируемое научно и представляющее первостепенную важность для антиквара, но психологическая реальность сегодняшнего дня. Первое – это ряд событий уже умерших и похороненных, ушедших из реальности вплоть до полного исчезновения их из человеческой памяти; последнее – могущественная психологическая сила, определяющая современное поведение африканского туземца. Люди руководствуются ошибочными ощущениями, а не пренебрежением истиной.

Более того, реконструируемое прошлое не всегда удастся описать с необходимой точностью, и здесь антропологу очень часто придется говорить: «*Ignoramus ignorabimus*»⁵. В регионе Гвинейского залива, где контакты начались во времена Генриха Мореплавателя, задача реконструкции очевидно безнадежна. Но даже и там, где контакты насчитывают только сотню лет или всего несколько десятилетий, реконструкция может оказаться столь же трудным делом.

⁵ Не знаем и не будем знать (лат.). – Прим. пер.

Революционные изменения во всей Юго-Западной Африке, происшедшие благодаря основанию, росту и распространению влияния зулусской империи под властью Чаки, сделали практически невозможным создание нормальных условий для мирной и единой племенной жизни. М. Хантер, которая, как мы видели, полагает, что «любая культура может быть полностью понята только в ее историческом контексте», тем не менее вынуждена признать, что по всей Юго-Западной Африке «нет точных данных о жизни банту до контактов с европейцами». Она также сообщает настоящую причину, по которой использование «реконструируемого прошлого» в любой компаративистской дискуссии оказывается бесполезным. Если мы захотим сравнить сегодняшнее состояние изменяющейся культуры с ее «нулевой точкой», нам придется рассматривать эти две, существенно различные, ситуации, пользуясь одними и теми же методами и имея в виду одни и те же проблемы. «Но, как это ни прискорбно для исследователя культурного изменения, научная социальная антропология начала развиваться после открытия Африки»^[45].

Мы, стало быть, сталкиваемся со следующей ситуацией: иногда реконструкция совершенно невозможна, а когда она возможна, то результаты, которые она дает, – второго сорта по сравнению с полевой работой, отвечающей современным требованиям. Сопоставлять подобные результаты с современными условиями едва ли вообще правомерно. Этнографу, работающему над реконструируемым прошлым, при-

шло бы предлагать человеку, работающему практически, в лучшем случае «поврежденный товар», мало ценный в качестве практических рекомендаций совета или теоретических озарений^[46]. Один или два конкретных примера будут полезны, чтобы показать тщетность попыток увидеть прошлое ради содействия политическому управлению в будущем.

Многие африканские племена до контакта с европейцами процветали, решая насущные вопросы с помощью каннибализма, умножали богатства на рабстве и похищении скота и распространяли свою политическую власть посредством межплеменных войн. Стал бы антрополог на этом основании призывать возвратиться к питанию человеческой плотью или к рабству, войне и грабительским походам за добычей? Едва ли. Даже если прадеды туземцев имели обыкновение пожирать друг друга и питаться человеческой плотью, повлияет ли этот факт каким-либо образом – прямо или косвенно – на рацион питания, который мог бы подойти ребенку горожанина, или рабочему на шахте, или члену племени, вынужденному изобретать новые правила хозяйствования, потому что их территорию урезали, пастбища разрушили, а налоги повысили? Эти вопросы уже содержат в себе ответы.

Экономические ресурсы африканских племен изменились: африканское предпринимательство в некоторых районах выросло и во многих отношениях вышло за пределы, соответствующие прежним условиям; в то же время некоторые из их стремлений оказались в состоянии полной неопреде-

ленности. В политических вопросах вождь более не может использовать военную силу для увеличения своего дохода или для осуществления своих желаний и прихотей; ему не может быть дозволено применение принудительного труда, и менее всего для содействия добыванию рабов и торговле ими; его религиозная власть подверглась влиянию новых верований и была поколеблена новым скептицизмом. Если бы нам пришлось последовательно рассматривать один институт за другим, если бы пришлось изучать различные аспекты жизни общества – экономику, право, образование или политику, – мы бы обнаружили, что по крайней мере часть «нулевых условий» исторического прошлого, каким оно было до пришествия европейцев, повсеместно умерло и похоронено, и как таковое к делу не относится.

Моя критика этих теорий была до некоторой степени подробной, поскольку даже обнаружение в том или ином направлении тупиковых путей – это вклад в продвижение вперед науки. Будем также помнить, что концепция культурного изменения как «смеси» элементов, доставшихся от культур-прародительниц, предложена каждому антропологу ведущей школой современности – школой Гребнера и патера В. Шмидта и большинством американских антропологов. Опять-таки, поиск нулевой точки – не что иное, как напрашивающийся образ действий для любого полевого этнографа, задачей которого до сего дня было изображение культур, какими они были на стадии до европейского вмешательства.

Изучение ситуации контакта как «интегрального целого» – это метод, который, несомненно, мог бы привлечь функционалиста. Коль скоро мы не сосредоточиваем специально внимание на изменении как процессе динамическом, данный подход оправдан до некоторых пределов.

Наша критика к тому же не носила исключительно негативного характера. Каждый шаг нашего рассуждения сопровождался возникновением известных конструктивных принципов, и в сочетании друг с другом они позволили нам кратко сформулировать систематический подход к изучению культурных контактов. Таким образом, при анализе концепции культурного изменения как смешения, которое следует понимать только на основе культур-предков, мы пришли к позитивному определению процесса изменений. Мы стали понимать его как новую реальность, явившуюся результатом воздействия европейского влияния на туземные культуры. Когда мы отвергли трактовку европейских действующих сил как неотъемлемой части нового объединенного сообщества, нам удалось положить в основу подхода трехстороннюю схему – европейские намерения, африканские реальности и процессы контактов, – развивая и подкрепляя тем самым нашу концепцию изменений как постоянного взаимодействия.

Мы сможем усовершенствовать этот подход, сделав его полезным инструментом в деле управления полевой работой и развертывания аргументации. Наконец, отказавшись

от поиска «нулевой точки» как средства практического контроля и умозрительного проникновения в природу культурных изменений, мы предложили вместо него иные концепции. Мы провели разграничение между прошлым, уже умершим и похороненным, и теми элементами старой культуры, которые все еще сохраняют жизненную силу и влияют на современные условия, – данные вопросы потребуют более детального рассмотрения в последующих главах. Мы признали, что ретроспективное видение хоть и ошибочно, но по важности превосходит миф, неизвестный старым информантам или забытый ими. Реконструкция прошлого, будучи интересной в историческом и теоретическом аспектах, не содержит практических указаний для настоящего и будущего, ибо возврата к тому, что было разрушено, что было забыто и что европейская администрация никак не способна вызвать к жизни, быть не может. Но мы вправе обратиться к сохранившимся по сей день традициям, потому что это – богатое поле исследования и источник практических трудностей.

Таким образом, вместо того, чтобы выстраивать свидетельства по шкале времени и находить им место под рубриками прошлого, настоящего и будущего, связывая в общую эволюционную или историческую последовательность, мы должны расположить факты по категориям, которые все вместе сосуществуют в настоящем и все могут быть изучены в ходе эмпирической полевой работы. Внося таким образом – правда, несколько схематично – известный порядок в

хаос изменений и преобразований, в свойственные взглядам африканцев колебания из стороны в сторону, движения от прогресса к традиции и от племенного строя к подражанию европейцам, мы обнаруживаем также, насколько существенным оказывается рассмотрение организованных систем европейской деятельности и согласование их напрямую с соответствующими феноменами изменений, – с теми африканскими институтами, которые вытеснены европейскими силами воздействия или должны сотрудничать с ними, которые прямо вступают с ними в конфликт или же дополняют их. Африканская власть вождя и внедрение института косвенного управления в европейскую административную систему, очевидно, должны рассматриваться параллельно друг другу. Равным образом работа миссий должна быть основана на противопоставлении христианства африканскому культу предков и африканским религиозным и магическим верованиям. Рядом с этими факторами двух культур мы должны изучать феномены изменений и преобразований, школу в буше, работу туземной конгрегации в новых африканских сектах и недавно созданные африканские религиозные движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Пример подобных схем читатель найдет в статье Малиновского «Научные основы прикладной антропологии» (1938, опубликовано 1940), см.: Malinowski B. The Scientific Basis of Applied Anthropology // Reale Accademia d'Italia / Fondazione Alessandro Volta. Estratto dagli Atti dell' VIII Convegno. Rome, 1940. P. 18–19.

2.

См. статьи: Malinowski B. The Deadly Issue // «Atlantic Monthly». Vol. XLIII. 1936. December; An Anthropological Analysis of War // «American Journal Sociology». 1941. Vol. XLVI. № 4. P. 521–550; а также книгу: Malinowski B. Freedom and Civilization. N. Y., 1944.

3.

См.: Malinowski B. Practical Anthropology // «Africa». Vol. II. № 1. 1929. January. Другие статьи Малиновского по культурным контактам и изменениям читатель найдет в библиографии в конце этой книги.

4.

Malinowski B. Coral Gardens and Their Magic. 1935. Vol. I. P. 480–481.

5.

См.: Malinowski B. Native Education and Culture Contact // «International Review of Missions». Vol. XXV. 1936. October.

6.

См. ниже, главу IV «Функциональная теория культуры» и прим. 3 к этой главе.

7.

Malinowski B. Introduction // Ortiz F. Contrapunteo Cubano del Tabaco y del Azucar. Havana, 1940. P. XVI–XVII. Малиновский также применял этот термин в своей статье «Общеафриканская проблема культурного контакта», см.: Malinowski B. The Pan-African Problem of Culture Contact // «American Journal of Sociology». 1943. Vol. XLVIII. № 6. P. 650.

8.

См. резюме лекции в: Malinowski B. The Dynamics of Contemporary Diffusion // «International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences». Copenhagen, 1939.

9.

Methods of Study of Culture Contact in Africa / The International Institute of African Languages and Cultures.

Memorandum XV. L., 1938; см. также: «Africa». 1938. Vols. VII, VIII, IX.

10.

См.: Thompson L. Fijian Frontier. 1940. P. XXI–XXII.

11.

Colonial Research Committee. Progress Report, 1942–1943. Cmd. 6486. 1943. P. 17.

12.

Herskovits M. J. Op. cit. P. 31–32, 120.

13.

Помимо книг, упомянутых Малиновским в связи с Африканским регионом, существует также несколько важнейших монографий и статей, написанных о том роде культурного контакта, в который вовлечены европейцы. Среди них можно упомянуть работы таких авторов, как Ф. М. Кисинг, П. Х. Бак, Х. Я. Хогбин, Р. Ферт, М. Мид, Гроувз, Э. П. Элкин, Ф. Е. Уильямс, Биглхоул, М. Рид, Паудермэйкер, Доллард и многие другие.

14.

Herskovits M. J. Memorandum for the Study of Acculturation // «American Anthropologist». Vol. XXXVIII. N. s. 1936. P. 152.

15.

Benedict R. Two Patterns of Indian Acculturation// «American Anthropologist». Vol. XLV. N. s. 1943. P. 207 ff.

16.

Инициатива в этом вопросе исходила от Международного института африканских языков и культур, который к тому же в большой степени финансировал данные исследования. В число ученых, принявших участие в осуществлении данного проекта, входили: д-р О. И. Ричардс из Йоханнесбургского университета; д-р М. Рид из Лондонской школы экономики; д-р А. Шапера из Кейптаунского университета; д-р М. Хантер, д-р С. Надель и д-р Г. Браун; д-р Л. П. Мэйр из Лондонской школы экономики; Г. Уилсон, директор Родезийского Ливингстоунского института (Северная Родезия); д-р М. Фортес, д-р Г. Вагнер и д-р К. Оберг – все они проходили обучение на отделении антропологии Лондонского университета.

17.

В некоторых областях Африки власти сформировали в рамках правительственного аппарата институт антропологов, задачей которого служит проведение специального инспектирования. Следует отметить в этой связи работу д-ра К. К. Мика и г-на П. Толбота в Нигерии;

г-на Гордона Брауна и г-на Брюса Хатта в Таганьике; г-жи Хильды Бимер в Свазиленде; и проф. и г-жи Зелигман и д-ра Э. Э. Эванс-Причарда в англо-египетском Судане. – Прим. Ф. М. К.

18.

Применимость антропологии для решения административных проблем также подчеркивалась лордом Хейли, который утверждает: «Исследование реакции африканцев на европейскую культуру в таких вопросах, как свадьба, наследование, частное владение на землю, а также законодательные и распорядительные санкции, возможно, является самым важным аспектом работы антрополога сегодня». Однако Хейли допускает, что «правительства, как правило, оказывают незначительную прямую поддержку как особым исследованиям того типа, что был описан выше, так и практическим мерам, – будь то создание поста правительственного антрополога или субсидирование работы ученых-исследователей». (Hailey M. *An African Survey*. 1938. P. 43, 45). – Прим. Ф. М. К.

19.

Этот раздел, «Африка сегодня – взгляд с высоты птичьего полета», в основной его части цитируется в том виде, в каком он представлен во вводном очерке Б. Малиновского «Антропология меняющихся африканских

культур», перепечатанном с издания уже упоминавшегося XV Меморандума, см.: Malinowski B. The Anthropology of Changing African Cultures // Methods of Study of Culture Contact in Africa / The International Institute of African Languages and Cultures. Memorandum XV. L., 1938. P. VII–X. – Прим. Ф. М. К.

20.

Здесь заканчивается цитирование указанного материала (см. предыдущую сноску). – Прим. Ф. М. К.

21.

В уже упоминавшемся издании XV Меморандума Международного института африканских языков и культур была опубликована серия статей, посвященных изменениям культуры, под общим заглавием «Методы изучения культурных контактов в Африке». Многие из авторов в явной или неявной форме предлагали ответы на поставленные выше проблемы. Поскольку материал они почерпнули из нашей области исследования – Африки – и поскольку антропологи в других концах мира придерживаются тех же методов и теорий, что и они, я затрону в следующей главе некоторые поднятые ими вопросы, касающиеся культурных изменений.

22.

См.: Malinowski B. Practical Anthropology // «Africa». Vol. II. № 1. 1929. January.

23.

Schapera I. Contact between European and Native in South Africa – II: In Bechuanaland // Methods of Study of Culture Contact in Africa. P. 27.

24.

Fortes M. Culture Contact as a Dynamic Process // Methods of Study of Culture Contact in Africa. P. 62.

25.

См. данные предположения в: Schapera I. Op. cit. P. 28.

26.

Следующее ниже обсуждение европейских факторов, рассматриваемых в качестве составляющей африканского племени, взято по преимуществу из работы Малиновского «Антропология меняющихся африканских культур» (см.: Malinowski B. The Anthropology of Changing African Cultures. P. XV–XVII); но я также вставила сюда разделы из других его рукописей. – Прим. Ф. М. К.

27.

Конец цитаты из «Антропологии меняющихся африканских

культур» Малиновского. – Прим. Ф. М. К.

28.

Следует добавить, что проф. Шапера в своей статье вносит в карту этнографической работы исследование «разнообразных мотивов и интересов, побудивших каждое из этих агентств посягать на местных жителей» (см.: Scharera I. Op. cit. P. 33). Однако способ, каким он хотел бы заложить основы полевой работы, судя по его очерку под заголовком «Фундаментальные исследования», не вполне совместим с данной у него ниже более корректной формулировкой проблемы (см.: Scharera I. Basic Investigations // Op. cit. P. 27 ff.).

29.

Одри Ричардс в работе «Роль переписи населения деревни в изучении культурных контактов» тоже отмечает важность подобного факта и полагает, что это с самого начала вносит изменения в полевую работу (См.: Richards A. I. The Village Census in Study of Culture Contact // Methods of Study of Culture Contact in Africa. P. 46).

30.

Помимо этого, Малиновский в своей работе «Современное состояние исследований культурных контактов: Некоторые соображения по поводу американского подхода»

высказывает подобную же критику, обсуждая точку зрения М. Дж. Херсковица: «Разбивка культуры на “характерные особенности” и собирание их вновь в “специфические комплексы” несовместимо с научным анализом культуры с разложением ее на реальные единицы по интересам и видам деятельности. До сих пор единственной остается попытка дать полное и отчетливое определение “характерных особенностей”, предпринятая Гребнером и полностью одобренная и поддержанная В. Шмидтом, Уисслером и Кребером. Она основана на тождестве иррелевантной формы и произвольной конкатенации – т. е. на том тождестве культурных факторов, которое для функционалиста непримемлемо» (Malinowski B. The Present State of Studies in Culture Contact: Some Comments on an American Approach // «Africa». 1939. Vol. XII. P. 31). Более подробную критику диффузии см. также в статье Малиновского «Антропология» в Британской энциклопедии (Malinowski B. Anthropology // Encyclopaedia Britannica. 13th ed. 1926). – Прим. Ф. М. К.

31.

Hunter M. Contact between European and Native in South Africa – I: In Pondoland // Methods of Study of Culture Contact in Africa. P. 18. (Элси Клуз Парсонс также следовала подобным путем, вычленяя туземные и испанские элементы в сапотекской культуре. См.: Parsons E. C. Mitla. 1936. –

Прим. Ф. М. К.)

32.

Hunter M. Op. cit. P. 10.

33.

Hunter M. Op. cit. P. 10.

34.

Нижеследующие фрагменты текста взяты, с незначительными изменениями, из работы Малиновского «Современная антропология и европейское правление в Африке» (1938, опубликовано в 1940): См.: Malinowski B. Modern Anthropology and European Rule in Africa // Reale Accademia d'Italia / Fondazione Alessandro Volta. Estratto dagli Atti dell' VIII Convegno. Rome, 1940. Vol. XVIII. P. 17–19. – Прим. Ф. М. К.

35.

Конец фрагмента, взятого из «Современной антропологии и европейского правления в Африке». – Прим. Ф. М. К.

36.

Следующий фрагмент взят из работы Малиновского «Антропология меняющихся африканских культур», см.: Malinowski B. The Anthropology of Changing African Cultures.

Р. XIX–XXII. В текст были внесены дополнения на основе материалов других рукописей. – Прим. Ф. М. К.

37.

Более детально законы о паспортизации, нормы уголовного права и практика их применения в Африке рассмотрены лордом Хейли, см.: Hailey M. African Survey. P. 659–672, 682–685.

38.

См.: Report of the Native Economic Commission, 1930–1932. U. G. 22, 1932. P. 110. Par. 751.

39.

Конец материала, взятого из «Антропологии меняющихся африканских культур». – Прим. Ф. М. К.

40.

Mair L. P. The Place of History in the Study of Culture Contact // Methods of Study of Culture Contact in Africa. P. 8.

41.

Mair L. P. The Place of History in the Study of Culture Contact // Methods of Study of Culture Contact in Africa. P. 2.

42.

Mair L. P. The Place of History in the Study of Culture Contact // Methods of Study of Culture Contact in Africa. P. 3.

43.

Mair L. P. The Place of History in the Study of Culture Contact // Methods of Study of Culture Contact in Africa. P. 6.

44.

Выше мы уже обсуждали сходную позицию, занимаемую Моникой Хантер в ее поисках «общего фона» (см.: Hunter M. Contact between European and Native in South Africa – I: In Pondoland. P. 13, 14).

45.

Обе цитаты взяты из работы Моника Хантер «Реакция на завоевание» (см.: Hunter M. Reaction to Conquest: Effects of Contact with Europeans on the Pondo of South Africa. 1936. P. 1), которая, по моему мнению, всегда будет иметь высокую оценку не только как новаторское исследование культурных изменений, но и как модель современной научной полевой работы.

46.

Как мы увидим позже, есть возможность принять другие критерии, и все наши авторы явно или скрыто остановились на иных подходах, гораздо более плодотворных, чем

реконструкция нулевой точки. В опубликованных ими работах все они в действительности пользовались такими методами полевой работы и приемами, которые будут признаны удовлетворительными с любой точки зрения. основополагающая статья Л. Мэйр превосходна как введение к серии. Она указывает относящиеся к делу вопросы, устанавливает некоторые главные принципы без догматичного навязывания каких бы то ни было конкретных решений. И вновь здесь не следует забывать, что д-р Мэйр не просто касается некоторых относящихся к культурному контакту вопросов. В своих двух книгах «An African People in the Twentieth Century» (London, 1934) и «Native Policies in Africa» (London, 1936) она доказала, что вполне способна работать над этой проблемой непосредственно. Ее монография о баганда содержит превосходное описание африканского сообщества в переходный период. Ее теоретический анализ туземной политики в Африке должен быть прочитан каждым антропологом, занимающимся изучением контактов, как введение в общую проблематику в более широком европейском контексте исследования.